

БРАТЯ
БОНДАРЕНКО

Сказки
ГОРЕЛОВСКОЙ
РОЩЫ

БРАТЯ БОНДАРЕНКО

**КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977**

ИБ № 78 °

Б81 **Бондаренко Вен. Н. и Вл. Н.**

Сказки Гореловской рощи.
Повесть-сказка. Куйбышевское книжное
издательство, 1977. 136 с. с илл.

Сказки братьев Бондаренко рассказывают о жизни обитателей леса, их повадках. Повесть интересна, подкупает своей образностью, живостью, хорошим языком. Она актуальна и современна, так как современна мораль, заключенная в каждой сказке, мораль не назойливая, а потому доходчивая.

Р2

Б $\frac{70802-38}{М148(03)-77}$ 38-77

НЕОБЫЧАЙНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

В четверг на утренней зорьке, когда Енот протирал свой левый глаз после сна, а к правому еще и не прикасался, вышел из берлоги медведь Спиридон. Всю ночь он что-то писал на листе фанеры. Узнала об этом Сова и рассказала Сороке:

— Медведь Спиридон что-то пишет у себя в берлоге на листе фанеры, а луна ему светит. Сажай пишет, весь выпачкался.

Будь это днем, Сорока слетала бы к медведю под окошко и все выяснила, но была ночь, а в темноте Сорока видит плохо.

— Еще наскочу на дерево, шишку набью. Нет, ночью лучше дома сидеть.

И горько вздыхала до утра у себя в гнезде. Очень горько вздыхала, потому что любит Сорока новости всякие узнавать и по роще разносить. Услышит на одном конце, несет на другой. Правда, пока донесет, не совсем то получается, что услышала. Ну и что из этого? Главное — донести. Как-то услышала она, что у Кобчика коготь на охоте сломался, и стала рассуждать:

— Один — это ладно, а если бы все сломались? Нечем тогда было бы Кобчику мышей ловить, и он помер бы с голоду.

И так Сороке стало жалко Кобчика, что полетела она по роще, понесла печаль свою:

— У Кобчика когти сломались. Нечем ему мышей ловить. Помирает Кобчик.

Услышали о беде Кобчика друзья его, слетелись к нему со всей рощи.

— Не падай духом, Кобчик. С кем беда не случается. Мы тебя не оставим. Пока не отрастут у тебя новые когти, кормить тебя сообща будем. Умереть не дадим.

Пялит на них Кобчик круглые глаза, удивляется:

— С чего это вы взяли, что у меня когти сломались? Вот же они.

И показал лапки. Смотрят птицы — есть у Кобчика когти. И острые все. Одного только не хватает. Но без одного жить можно. Посмеялись они — ну и Сорока! — и разлетелись по своим гнездам.

А Сорока в это время другую новость по роще несла:

— Слушайте! Слушайте! Вчера зайцы у Маняшина кургана Волка поймали и так наподавали ему, что он чуть до норы дополз. Сейчас при смерти лежит. Наверное, до вечера не дотянет.

Всколыхнула рощу новость Сорокина. Набежали к Волку проститься товарищи его. Встали вокруг, сочувствуют:

— Умираешь ты. Зайцы тебя избили.

Оскалил Волк зубы, смеется:

— Какие зайцы? Всего и был-то один заяц. Сидел он в орешнике. Я хотел позавтракать им. Только лапу протянул, чтобы взять его, да хрустнула под мой ветка. Дернулся заяц с перепугу, прямо в глаз ногой угодил. Пока я проморгался, он и удрал.

Сидят волки, качают головами: ох уж эта Сорока. Вечно наплетет такое, что потом даже расплести не знаешь как. Услышит со щепоть, а приврет с беремя.

Да, до новостей Сорока была большая охотница, и поэтому еле-еле дождалась она конца ночи, чтобы

по свету полететь узнать, что же писал медведь Спиридон на листе фанеры.

И как раз в это время, когда Енот протирал кулачком после сна левый глаз, а к правому еще и не прикасался, вышел медведь Спиридон из берлоги с листом фанеры под мышкой и пошагал к сосне с кривым сучком, у которой по средам черепаха Кири-Бум рассказывала сказки.

На поляне, среди цветов, почесывая грудь, стоял медведь Лаврентий и думал: делать ему сегодня зарядку или можно обойтись без нее. Увидел медведя Спиридона, спросил, зевая во весь рот:

— Куда идешь, сосед?

— Объявление повесить.

— О чем оно?

— Прочтешь — узнаешь. Кто же это объявления просто так говорит. Сейчас повешу, и читайте сверху донизу.

Медведь Лаврентий грамоте не учился, читать не умел, но об этом никому не говорил, делал вид, что он такой же начитанный, как и все в Гореловской роще. И потому сказал с гордостью:

— Что ж, и прочту, да не один, а три раза.

И пошел за медведем Спиридоном.

«Зарядку, — думает, — я и завтра сделаю, а о чем в объявлении говорится, сегодня узнать надо. Самому не прочесть, зато другие будут читать вслух, я и услышу».

Шел медведь Лаврентий рядом с медведем Спиридоном, лапами помахивал. Увидел их Енот, он к этому времени и правый глаз протереть успел, спросил:

— Куда это вы в такую рань идете?

— Объявление вешать, — ответил медведь Лаврентий.

— О чем оно?

— Я еще пока и сам не знаю. Вот прочту и знать буду.

Еноту тоже узнать захотелось, и он пошел с медведями. Присоединилась вскоре Лиса к ним. Сказала медведю Спиридону:

— Дай я коробочку с гвоздями понесу, одному тебе тяжело нести все.

Думала Лиса: станет медведь передавать коробочку, повернет лист фанеры, и увидит она, что на нем написано. Узнает раньше всех новость и заранее прикинет в уме, а нельзя ли из нее пользу для себя извлечь. Но медведь Спиридон так хитро передал ей коробочку, что лист фанеры даже и не качнулся.

Лиса даже порыжела от злости: не шлось ей порожняком, глупой.

У сосны с кривым сучком медведь Спиридон остановился. Сказал медведю Лаврентию:

— Неси сюда вон тот пень березовый. Повыше объявление прибьем, чтобы издали видно было.

Медведь Спиридон взобрался, кряхтя, на пень и тремя гвоздями прибил к сосне фанерный лист. Коробочку с молотком на пне оставил: если сорвется, будет чем прибить.

— Вот теперь читайте. Я свое дело сделал.

— Читай ты, Енот, — сказала Лиса. — У тебя голос громкий.

Лиса завидовала Еноту, что он шел порожняком, и решила хоть объявление заставить прочитать его — пусть поработает. Медведь Лаврентий поддержал ее:

— И верно, читай, Енот. А чтобы тебе лучше видно было, я тебя на плечо к себе посажу.

Лиса даже зубами скрипнула от досады: и везет же этому Еноту! И не нес ничего, и вот теперь медведь его на плече держит. Выше всех сидит Енот,

А на листе фанеры было крупно написано:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Стой! И пока не прочтешь, дальше не ходи.

ВЕЧЕРОМ! В СРЕДУ!

На Маяшином кургане
впервые в Гореловской роще

СОСТОИТСЯ

конкурс на лучшую сказку!

Награда победителю — пирог с тыквой!

Приходи на конкурс!

У С Л О В И Я:

1. В конкурсе могут участвовать все, кому есть что сказать.
2. Каждый выступающий рассказывает три сказки.
3. Победители первого тура рассказывают во втором еще одну сказку.

Услышала Сорока, о чем объявление, и полетела по роще, понесла необычайную новость:

— Слушайте! Слушайте! На сосне с кривым сучком висит объявление. Тому, кто сумеет прочесть его, медведь Спиридон даст пирог с тыквой. У него пирогов видимо-невидимо.

И к сосне заспешили любопытные.

МЕДВЕДЬ ЛАВРЕНТИЙ РАССТАЕТСЯ С ГАЗЕТОЙ

Всю неделю объявление о конкурсе висело на сосне с кривым сучком. И всю неделю Енот не отходил от сосны. Ему нравилось читать объявление. Он знал его уже наизусть, но все равно, когда просили его: «Прочти, Енот», — поворачивался к сосне и читал. Читал с таким видом, будто

это он придумал провести конкурс на лучшую сказку и сочинил объявление.

Всю неделю в роще говорили только о конкурсе и гадали, кто с какими сказками выступит и кто будет лучшим рассказчиком. Все сходились на одном: победу одержит черепаха Кири-Бум. Лучше нее в Гореловской роще сказки никто не рассказывает.

А медведь Тяжелая Лапа побывал даже у Бобровой запруды, где живет черепаха, и сообщил ей:

— Мы все уверены, что пирог выиграешь ты.

Черепаха покачивалась на коряге, ее маленькие глазки хитро улыбались:

— Может, и выиграю, а может, и нет.

— Обязательно выиграешь, — сказал медведь и предложил: — Давай я тебе чего-нибудь помогу. У меня силы во сколько!

И сгибал лапу.

Мускулы показывал.

Своих сказок у медведя Тяжелая Лапа не было, а пирога с тыквой отведать хотелось, и он заранее решил подружиться с черепахой: выиграет она и, может, с ним поделится.

Приходила к черепахе и Лиса. И тоже говорила:

— Ты выиграешь пирог. Я тебе предсказываю это.

У Лисы тоже сказок не было, а попробовать пирога хотелось. И думала она:

«Выиграет Кири-Бум пирог и даст мне хоть кусочек. Вспомнит, что это я предсказала ей выигрыш, и даст».

И Лиса повторила убежденно:

— Ты выиграешь пирог. И запомни: я предсказала тебе это.

А черепаха покачивалась на коряге.

Помаргивала маленькими глазками.

Хитро посмеивалась:

— Может, и выиграю, а может, и нет.

А во вторник вечером взяла да и сказала:

— В конкурсе я участвовать не буду. Я его придумала. Рассказывать будут другие.

Сказала и опустилась на дно Бобровой запруды. И оттуда уже, со дна, пустила белые пузыри — буль, буль. Посмеялась будто.

И взбудоражилась Гореловская роща: если Кири-Бум не участвует в конкурсе, то кто же тогда будет победителем?

И заспорили.

Одни говорят — барсук Филька.

Другие — Еж Иглыч.

Спорили отчаянно: во вторник ночью и в среду с утра и до самого вечера, а вечером все потянулись к Маняшину кургану, к которому стаскивали медведь Спиридон и медведь Лаврентий поваленные ветром лесины, чтобы было на чем сидеть.

Медведи шли к кургану по медвежьей тропе, зайцы — по заячьей.

Волк Рыжий Загривок пробирался по своей — по волчьей тропе.

У Лисы своей тропы не было, и она шла к кургану по всем тропам понемногу.

Садились, кому где нравилось.

Барсук Филька устроился в первом ряду на бревнышке. Сбоку возле себя положил узелок с ужином. Сидел Филька спокойно. Но когда Лиса сказала ему: «Я посижу рядышком с тобой», — глянул на нее с тревогой и переложил узелок на колени. Лиса — мошенница. И не увидишь, как без ужина останешься. Съела же она однажды у него половину куропатки. Давно это, правда, случилось, а Филька до сих пор помнит. И при встрече с Лисой ухо настороже держит. Филька пришел, чтобы выиграть пирог,

но и от собственного ужина отказываться не собирался.

Приковылял бобер Яшка и взобрался на березу.

— Мне отсюда лучше видно будет, — сказал он и дернул горбом. Горбатым был бобер Яшка и завистливым.

Завидовал Яшка всем, а ему никто, а Яшке очень хотелось, чтобы ему хоть однажды позавидовали. Для того и на березе решил пристроиться, чтобы на виду у всех быть: вдруг кто и позавидует, что он так высоко сидит. Ему особенно приятно стало, когда медведь Михайло сказал медведю Тяжелая Лапа:

— Ты погляди, куда забрался бобер Яшка.

Сидел медведь Михайло в четвертом ряду. Он сел бы и ближе, но когда пришел, три первых ряда были заняты. Попытался было согнать со второго ряда зайца с Рыжими Усами, но вокруг зашумели:

— Хоть нынче-то не обижай зайцев.

— Привык на силу надеяться.

— Да я, собственно, ничего. Я могу и дальше сесть, — смутился медведь Михайло и сел в четвертом ряду.

Сидел он, глядел прямо перед собой и думал: «Жаль, далеко за пирогом идти придется». А что пирог достанется ему, медведь Михайло не сомневался. Он думал о нем всю неделю. Ради него сочинил он три такие сказки, что не мешало бы за каждую из них дать по пирогу. Медведь Михайло был настолько уверен, что пирог будет его, что даже ужинать не стал. Сказал самому себе:

— Я сегодня пирогом поужинаю.

И теперь ерзал по лесине, торопил:

— Давайте начинать. Ну чего тянем.

Пирог уже принесли. Он лежал на березовом пне возле черепахи Кири-Бум на свежих кленовых ли-

стях. Румяный, поджаренный, с коричневой хрустящей корочкой.

Духовитый!

И теплый еще.

Медведь Михайло глядел на него издали и думал:

«Мой пирог. С тыквой. Пахнет-то как аппетитно.

Все так и дергают носами, принюхиваются...»

И вдруг встревожился, даже волосы на голове зашевелились: выйдет весь вкусный дух из его пирога, и будет он не таким пахучим, как сейчас. Да и жалко было медведю, что все так сладко вдыхают запах его пирога, даже глаза от удовольствия прищуривают. И он решительно поднял лапу.

— Дайте мне сказать.

На макушке кургана стоял у серого камня медведь Спиридон. Его выбрали распорядителем конкурса. Солнце было у него за плечами, и потому снизу казалось, что медведь горит.

— Ты что, Михайло, уже говорить хочешь? — спросил он.

Медведь Михайло поднялся.

— Говорить я буду. Но я сейчас вот о чем: завернуть бы надо во что-нибудь пирог-то. Дух из него вкусный выходит.

— А ведь верно, — подскочил барсук Филька, — уходит из пирога дух вкусный. Обязательно надо завернуть его.

Филька тоже не хотел получать пирог без теплого вкусного запаха.

— Завернуть бы не мешало, — сказал медведь Спиридон, — да во что?

— Да в лопух хотя бы, — предложил кто-то.

— Что вы, — насупился Филька. — От лопуха пирог горчить будет.

А Филька не хотел получать пирог с горчинкой.

И подал тут сверху голос бобер Яшка:

— Да вон газета у медведя Лаврентия. В нее и заверните.

Ему хотелось, чтобы все поглядели на него, но поглядел лишь медведь Лаврентий да и тот рыкнул:

— Я тебе так заверну, что и на березе не усидишь.

Газетой своей медведь Лаврентий дорожил. Нашел он ее дней десять назад у Ванина колодца. Кто-то из трактористов подходил попить от полевого стана и забыл, а медведь Лаврентий подобрал и не расставался с ней ни днем ни ночью. Солнышко — в небо, медведь Лаврентий — на завалинку. Развернет газету и сидит, глядит в нее, будто читает. Он хоть грамоте и не учен, а все-таки приятно ему слышать, когда говорят о нем в роще:

— Медведь Лаврентий опять с газетой сидит. Усидчивый какой — сидит и сидит.

И к Маняшину кургану пришел медведь Лаврентий с газетой. Дома не оставил: еще унесет кто или удует ветер. Да и в перерыв можно будет посидеть, поглядеть в нее. Очень газета была дорога медведю Лаврентию, потому и рыкнул он так грозно на бобра Яшку, когда тот предложил завернуть в нее пирог. А остальным всем сказал жалостливо, подергивая плечами:

— Не могу я, братцы, отдать вам газету. Она у меня одна.

А медведь Михайло просил:

— Не отказывай, Лаврентий. Уходит сладкий дух-то из пирога, невкусным он станет. Сам посуди: что это за пирог без сладкого духа.

И посыпались голоса со всех сторон:

— Дай, Лаврентий, не скупись.

Но медведь Лаврентий был непоколебим.

И тогда подала голос черепаха Кири-Бум:

— Уступи, Лаврентий. Ведь для общего же дела.

И медведь Лаврентий потупился. Черепахе Кири-

Бум он не мог отказать. Любит он сказки и каждую субботу ходит к черепахе в гости слушать их.

— Ну, коль для общего дела, — проговорил медведь и закусил губу, все-таки жалко было.

Медведь Спиридон бережно завернул пирог в газету и положил на пенек перед черепахой. Медведь Михайло успокоился, сел. Проговорил, приглаживая на груди бурю шерсть:

— А вообще пора бы и начинать.

— Начнем, куда спешить. Не все еще собрались.

И верно, к кургану подходили со всех концов рощи.

Пришла медведица Авдотья. Старенькая, глухая, она расположилась в самом дальнем ряду и подружку свою медведицу Матрену посадила рядом:

— Будешь мне на ухо кричать, Матренушка, о чем разговор идти будет.

Сына, медвежонка Ивашку, к березе отвела. Там уж сидели медвежата Матрены — Мишук и Машута. Здесь же, возле медвежат, на пенечке пристроился и Мышонок, сын серенькой Мышки.

Появилась Мышка в Гореловской роще прошлой осенью. До этого она в Осинниках жила. На большом кургане. И все у нее было: и хитрая норка с хитрыми отнорками, и зерно в сусеках — живи да радуйся, а вот радости-то у Мышки как раз и не было. Жили рядом с нею такие же, как она, маленькие мышки, тоненькие ящерицы, крошечные жучки да букашки.

— Ну что это за соседи, — вздыхала Мышка, — одна мелкота. И в гости сходить не к кому.

А Мышке хотелось иметь большого соседа, большого-пребольшого, и чтобы он к ней в гости ходил, и чтобы Мышка к нему в гости ходила. Он даже во сне ей снился. Огромный, ворочается в кургане, чуть помещается в нем, даже деревья покачиваются. И когда однажды поселился рядом с ней Суслик, обра-

довалась Мышка: вот он, большой-то сосед, появился наконец.

И в первое же воскресенье прибежала к нему в гости:

— Здравствуй, Суслик. Я Мышка серенькая, соседка твоя. В гости пришла к тебе.

— Пришла — так проходи, чего у порога-то стоять. Провел Суслик Мышку к столу. Горстку пшенички насыпал перед ней:

— Угощайся. Пшеничка первый сорт.

А много ли Мышке надо? Три зернышка съела и сыта. Закланялась Суслику:

— А теперь ты ко мне в гости приходи. Я ждать буду.

— А что? Приду, — сказал Суслик.

И точно — на другой же день пожаловал. Увидела его Мышка и лапками всплеснула.

— Ой, кто ко мне пришел! Вы поглядите, кто ко мне пришел! Да сосед ко мне пришел, большой сосед. Проходи, будь гостем.

Провела Мышка Суслика к столу, засуетилась, забегала, так вся и светится счастьем. Как же, такой большой сосед возле нее поселился и в гости пришел. Стол чистой скатертью накрыла. Зернышек конопляных из кладовки принесла. Много — целую горсть.

— Угощайся, сосед, ешь на здоровье.

А Суслик — чаф, чаф! — съел и сидит глядит, что дальше будет. Сбегала Мышка в кладовку, принесла еще две горсти зернышек. Высыпала перед Сусликом.

— Угощайся, сосед.

Мышке и за неделю столько бы не съесть, а Суслик — чаф, чаф! — съел и сидит глядит, что дальше будет.

Смутилась Мышка, всегда такой щебетуньей была, а тут чуть выговорила:

— Что ж ты у пустого-то стола сидеть будешь? Пойдем прямо к закрому.

Привела Суслика в кладовку. Потчует:

— Ешь, не стесняйся.

А чего Суслику стесняться? Он в гостях, он не воровать пришел. Он как сел, так ползакрома и съел. Встряхнулся. Покашлял в кулачок. Сказал:

— Я к тебе в воскресенье еще зайду. И вообще теперь частенько заходить буду. Мне у тебя нравится.

— Заходи, я всегда рада тебя видеть, — чуть слышно пропищала Мышка, а ночью, когда спали все, собрала она свои пожитки и перебралась жить в Гореловскую рощу.

Прошлой осенью еще перебралась. Весной Мышонок у нее родился, маленький, слепенький. Но теперь он подрос, и Мышка везде его с собой водит, чтобы не пропал. И на сказки к кургану пришла с ним. Устроилась возле медвежат под березой.

Мышонок был доволен, что мать привела его к кургану. Бегал по пеньку, припрыгивал и хлопал в ладоши.

Среди ветвей березы прятался Филин. Сказок у него не было, и поэтому он точно знал — пирога ему не дадут. Но под общий шум и гам Филин надеялся унести Мышонка. Он глядел на него из листьев большими желтыми глазами и ждал удобного случая.

А Мышонок бегал по пеньку и пищал:

— Пик-пик, весело как! Пик-пик!

Он был весь на виду, и взять его было пока нельзя.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ БОЛЬШОГО МЕДВЕДЯ

Вскоре у Маняшина кургана собралась почти вся Гореловская роща. Были среди собравшихся и гости. Из Осинников прибежала белка Рыжее Ушко.

— У меня тоже есть рассказать что, — сказала она и пристроилась возле медведя Лаврентия. Давняя между ними дружба была. Сидели, перешептывались, орешки грызли.

Солнце опустилось уже за врытый в макушку кургана серый камень, и на белку с медведем легла от камня длинная густая тень. Позади них сидел заяц с Рыжими Усами и шептал: рассказывал самому себе сказки.

Из Марьевки прибежали пес Вертихвост и щенок Федотка. Это они раздобыли у бабушки Степаниды пирог с тыквой и поэтому сидели среди самых почетных гостей в первом ряду. Вертихвост сидел солидно, как и подобает сидеть псу в его возрасте, а Федотка волновался и все подталкивал Вертихвоста, поизигивал:

— Где мы с тобой сидим, Вертихвост!

Вертихвост дернул его незаметно за ухо:

— Сиди спокойно, Федотка, не вертись.

Но спокойно сидеть Федотка не мог, волновался: будет ли Вертихвост сказки рассказывать. Ух и сказки, Федотка их в Марьевке с разинутым ртом слушал.

Волновался и медведь Иван. Он пришел из Ясеневого леса. На посошок опирался, когда шел. Сдал за последние годы. Когда-то таким могучим был — ух ты! А теперь совсем одряхлел. Ложится иногда вечером в постель и думает: «Может, больше и не проснусь». А услышал, что в Гореловской роще можно за три сказки пирог с тыквой получить, поднялся и пошел.

Попыталась было остановить его медведица:

— Куда ты пойдешь такой? Ты стоишь еле. Упадешь где-нибудь дорогой и не встанешь.

— Не упаду, — покашлял медведь Иван. — Я ведь спешить не буду. Пройду немного, посижу и дальше пойду. Сейчас утро, к вечеру доберусь, и ладно. Зато пирогом угощу тебя.

Медведь Спиридон поднял над головой колокольчик. Позвонил:

— Тише... Давайте начинать.

Медведь Иван вздрогнул и поднялся.

— Дозволь мне, Спиридоша.

— Говори, дедушка Иван.

С четвертого ряда гроыхнул басом медведь Михайло:

— Это почему же ты ему первому слово даешь? Я тоже лапу поднял, разве ты не видишь?

Он боялся, как бы пирог не отдали медведю Ивану. Не за сказки, какие там у медведя Ивана могут быть сказки! За старость отдадут. И поэтому кричал медведь Михайло издали:

— Я выше него лапу поднял, мне и рассказывать первому.

Сосед его, медведь Тяжелая Лапа, поддакивал. Привставал, грузный, плечистый, гудел:

— Да, да, Михайло высоко лапу поднимал. Я рядом сижу, видел.

Своих сказок у медведя Тяжелая Лапа не было,

а пирога необыкновенного попробовать хотелось. Вот и думал он: может, дадут медведю Михайле, а Михайло вспомнит, кто его поддержал, и поделится с ним. Потому и кричал басовито:

— Михайле первому говорить. Его лапа выше была. Я рядом сижу, видел.

Медведь Иван закашлялся, посошком постучал:

— Не горячитесь вы. Я пока не рассказывать, спросить хочу: можно мне с одной сказкой выступить? Трех у меня нет.

Выступить с одной сказкой ему не разрешили, и медведь Иван, вздыхая, сел, а медведь Михайло поднялся и пошел на вершину кургана. Поглядел вокруг и покачал головой — сколько собралось, батюшки! Весь вечер собирались и все зря: сейчас опять по домам пойдут. Расскажет он, Михайло, три свои сказки и заберет пирог. И сразу не на что глядеть будет. Зря шли, ноги били.

И медведь Михайло поднял лапу:

— Я расскажу вам сказку о Зайчонке, маленьком, глупом Зайчонке. Очень он был смешной и глупый.

На пенечке под березой запрыгал и захлопал в ладоши Мышонок:

— Ха! Большой медведь будет рассказывать сказку о маленьком Зайчонке. Ха-ха!

Медвежата тоже засмеялись было, но медведь Спиридон цыкнул на них, и они притихли. А медведь Михайло глядел на всех с макушки кургана и думал: «Сейчас моя первая сказка тронет их, вторая — заберет, а третья — поразит».

И начал рассказывать:

«Наигрался Зайчонок на полянке, напрыгался, поспать ему захотелось. Выбрал он себе елочку пораскидистее, лег под ней. Закрыв глаза и слышит — кричит откуда-то сверху перепелка ему:

— Спать пора, спать пора.

«Верно, — думает Зайчонок, — пора». И вдруг спохватился: откуда в роще перепелка взялась? Перепелки за рощей, в степи живут, в траве прячутся.

«Залетная какая-нибудь», — подумал Зайчонок и высунулся из-под елочки. Смотрит: никакой перепелки нет. Сидит на сосне Сойка, от солнышка жмурится.

«Показалось, наверное», — решил Зайчонок и опять спрятался под елочку. Но только глаза закрыл, слышит, почти над головой у него Канюк кричать начал:

— Кий... Кий...

Вздрогнул Зайчонок, сжался в комочек и вздохнуть боится: приметит его Канюк — конец. Он с хомьяками, сусликами, слепышами запросто слаживает, а с ним, Зайчонок, и подавно. Какая в нем еще сила, когда ему всего неделя от роду.

Подождал немножко — не слышно никого. «А может, и это тоже показалось?» — подумал Зайчонок и высунулся из-под елочки. Смотрит: никакого Канюка поблизости нет. Все та же Сойка на сосне сидит и жмурится.

— Сойка, — спросил ее Зайчонок, — куда Канюк улетел?

— А он и не был здесь. Спи, — сказала Сойка, и Зайчонок опять было полез под елочку, но сзади громко закричал Канюк:

— Кий... Кий...

Оглянулся Зайчонок, а это Сойка сидит и кричит канюком.

— Ты чего пугаешь меня? — спросил ее Зайчонок. — Это нехорошо — маленьких пугать.

— А я и не пугаю вовсе, — сказала Сойка. — Я просто забавляюсь. А ты чего не спишь? Спи... Спать пора, спать пора.

— Как, — удивился Зайчонок, — и перепелка — тоже ты?

Покачал он головой и полез под елочку. Лежал под ней и посапывал в две дырочки. Над ним раздавался крик Канюка, но Зайчонок больше не боялся его. Он знал — это Сойка забавляется. А Сойку чего бояться? Она зайчат не обижает».

Этимися словами закончил медведь Михайло свою первую сказку. Вокруг молчали. И вдруг в тишине раздался хриплый голос медведицы Авдотьи:

— Что он сказал, Матренушка?

И медведица Матрена прокричала ей в ответ:

— Он сказал, что Сойка умеет кричать, как перепелка.

— А разве этого никто не знал? — отозвалась Авдотья.

Медведь Лаврентий хохотнул в кулак: он сердился на Михайлу за отобранную газету и теперь нарочно смеялся над ним:

— Ну и сказка.

Глядя на медведя Лаврентия, засмеялись и другие. А медведь Тяжелая Лапа крикнул, привставая с места:

— Зря смеетесь, хорошая же сказка.

Сказка ему не больно нравилась, но своих у него не было и он думал: получит Михайло пирог и поделится с ним. Потому и кричал он, что сказка у Михайлы хорошая.

Медведь Михайло поднял лапу:

— А сейчас я расскажу вам сказку о маке. На лугу растет он. Я ходил вчера, видел.

Подождал, когда утихнут вокруг, и повел рассказ свой:

«На лугу возле гнезда Жаворонка проклюнулся из земли бледный желтенький росток.

Посмотрел на него Жаворонок и сказал:

— Травка родилась.

И сел птенцов выводить. День сидит, два. Глянул как-то, а желтенький росток уже стебельком стал.

— Растет травка, — сказал Жаворонок и поудобнее на гнездо уселся.

Неделю сидит, другую. Глянул как-то, а травка-то уже горит алым цветом.

И воскликнул Жаворонок:

— Вот это да! Родился травкой. Рос травкой. А раскрылся — маков цвет...»

Этим словами закончил медведь Михайло свою вторую сказку. Вокруг молчали. Медведь Михайло глядел прямо перед собой, прищурившись, и думал, счастливый: «Молчите, потрясенные? То-то, поразил я вас, а то ли еще будет, когда я расскажу свою третью сказку».

И слышит — кричит в заднем ряду медведица Авдотья медведице Матрене:

— Что он сказал, Матренушка?

И прокричала ей в ответ медведица Матрена:

— Он говорит, что цветок вначале травкой бывает.

— А что, разве и этого еще никто не знал у нас в роще?

Ох, так и запустил бы медведь Михайло в нее чем-нибудь, да неудобно, не в том возрасте, не медвежонок. Потоптался, сказал хмуро:

— А сейчас я расскажу вам сказку про мох, почему он расти не стал.

Услышал его слова Мышонок и запрыгал на печке под березой, захлопал в ладоши.

— Ха, большой медведь про птичку сказку рассказал, про травку рассказал, теперь про мох рассказывать будет. Сам большой, а сказки про маленькое рассказывает. Ха-ха!

И запищал, засмеялся.

— А ведь верно, смешно это: медведь, а сказки про птичку да про травку рассказывает. Говорил бы уж о слонах или о тиграх хотя бы, — прогудел медведь Лаврентий.

Вокруг засмеялись. Смешно было и медведю Тяжелая Лапа, но он не смеялся. Он еще надеялся, что медведю Михайле дадут пирог, и потому кричал с места:

— Зря смеетесь. Хорошие же сказки.

Ворчал и Бурундучок на сосне. Пришел он к кургану самым последним. Сидел на сосне, мрачный, сутулый, в халате в полоску. Ворчал:

— И чего ржут? Ну ведь не смешно же, совсем, совсем не смешно.

Но вокруг смеялись. А когда все уgomонились немного, медведь Михайло объявил торжественно:

— «Отчего мох расти не стал».

И снова — смех:

— Мох! Охо-хо! Нашел о чем рассказывать. Может, у тебя еще есть какая сказка?

— Есть, про плесень. Но я ее потом расскажу.

— Про плесень? И-хи-хи! А может, ты прямо с нее начнешь. Мы еще про плесень не слушали.

А медведь Спиридон позвонил в колокольчик:

— Тихо, братцы.

И повернулся к медведю Михайле, сказал, чтобы слышал только он один:

— Продолжай, Михайло. Только название не говори больше, а то опять смеяться будут.

И медведь Михайло начал рассказывать свою третью сказку:

«Родился в лесу Мох. Поглядел на деревья, воскликнул:

— Вот это выросли, почти в облака макушками упираются. Может, и мне поднатужиться и стать таким же высоким?

Но слышит, говорит Ворона Сороке на сосне:

— Плохо высоким деревьям: буря всегда валит первым высокое дерево. И гроза в первую очередь бьет по высокому дереву. Зимой ему холодно — все ветра его, а летом жарко — ближе всех оно к солнцу.

Услышал это Мох и сказал самому себе:

— Нет, права Ворона: высоким быть плохо.

И не стал расти. Навсегда остался маленьким. Уютится в лесных сумерках, на стволах деревьев и на болотных кочках.

— Так, — говорит, — удобнее».

Закончил свою сказку медведь Михайло и поглядел с опаской на медведицу Авдотью: неужели она опять будет спрашивать у Матрены, о чем говорил он. И видит: колыхнулась медведица Авдотья и закрычала:

— Что он сказал, Матренушка?

И прокричала ей в ответ медведица Матрена:

— Он сказал, что мох не растет.

— Это что ж, плохо, что ли?

— Он говорит, что плохо.

— Это что ж, он хочет, чтобы наша роща мхом заросла?

— Не слушайте ее! — затопал на кургане медведь Михайло. — Я этого не хочу. И не об этом моя сказка, совсем о другом.

Но уж лучше бы он не говорил этого: слова его потонули в общем хохоте. Медведь Тяжелая Лапа попытался было урезонить:

— Зря смеетесь... Ну хорошие же сказки.

Но его и слушать никто не стал — все смеялись. И вздохнул тяжело медведь Тяжелая Лапа:

— Зря смеетесь.

— Верно, зря. Ведь ничего же смешного нет, — в тон ему пробурчал Бурундучок на сосне. И еще больше нахохлился.

СЫН БЕЛКИ РЫЖЕЕ УШКО

Медведь Михайло рассказывал все три свои сказки и теперь стоял на кургане и мужественно ждал, что скажут Дятел, Голубь и Дубонос. Это им доверено решить — с хорошими ты сказками выступил или с плохими, дать тебе за них пирог или нет. Сдвинули они умные головы, совещались: давать или не давать пирог медведю Михайле.

У Голубя грудь полна нежности. Он готов всем дать по пирогу, лишь бы все довольны были.

Голубь сказал:

— Надо бы дать. Все-таки трудился медведь, рассказывал.

Дятел, тот привык на все трезво смотреть. Дятел не согласился с Голубем.

Дятел спросил:

— Дать? А за что? Говорить всякий может, а вот умно говорить — это дано не каждому. Медведю Михайле, как видно, не дано. Ты слышишь, как смеются над его сказками?

У Дубоноса не было ни голубиной нежности в груди, ни трезвости Дятла в голове. Но зато умел Дубонос сидеть серьезно. Глянешь на него со стороны и видишь — ух, какой умный.

Дубонос сидел молча, ждал: вот договорятся между собой Голубь с Дятлом, Дубонос присоединится к ним, и будет решение у них принято единогласно.

Долго совещались Дятел, Голубь и Дубонос и, наконец, решили, что хоть и есть в сказках медведя Михайлы умные мысли, все же до конца они еще не продуманы и пирог за них давать нельзя.

Медведь Михайло не верил, что это все, и по-прежнему стоял на макушке кургана, ждал, что все сейчас, прямо сейчас должно измениться. И когда медведь Спиридон сказал ему: «Ступай, Михайло, с кургана», — заговорил торопливо, совсем не по-медвежьи:

— Как же так? Подождите. Этого не может быть: вы не поняли меня. Я о чем говорил?

— О птичках да о травке, — выкрикнул из-за спины медведя Лаврентия заяц с Рыжими Усами. — Еще о плесени рассказать собирался.

— Да, да, я могу и о плесени рассказать. Есть у меня такая сказка... Я что хотел сказать? Что из травки цветок бывает, если она расцветет.

Вокруг смеялись. Больше всех смеялся медведь Лаврентий. А медведь Спиридон прошептал медведю Михайле:

— Ступай, не позорь себя. Не получились у тебя сказки.

Шел медведь Михайло на место, и темно у него в глазах было. И на фоне заревого вечернего неба он и сам казался темным, от печали темным: он так уверен был, что пирог будет его, что даже ужинать не стал.

В четвертом ряду на лесине тяжело вздохнул медведь Тяжелая Лапа:

— Эх, такие сказки оценить не сумели.

Медведь Спиридон размахивал над головой колокольчиком:

— Тихо.

И спрашивал густым басом:

— Кто еще говорить будет?

И медведь Иван опять поднял хилую лапу и встал, кряхтя по-стариковски:

— Дозвольте мне выступить со сказкой. Я же ее вон откуда принес — из Ясеневого леса.

Но ему не позволили:

— Будет три — пожалуйста.

Но трех сказок у медведя Ивана не было. Он пожевал губами и сел, а Сорока на сосне горько вздохнула:

— Эх, — и по груди себя крылом стукнула.

На макушку кургана взбежала белка Рыжее Ушко. Распушила хвостик, села столбиком. Она родилась и выросла в Гореловской роще, а замуж вышла в Осинниках. Но все ее помнили и, когда увидели на кургане, закричали:

— Давай, Рыжее Ушко, рассказывай.

Сказок у белки не было, зато у нее был сынишка, о нем она и собиралась рассказать своим друзьям. «Пусть и они порадуются моему первенцу. Это же мои товарищи», — подумала Рыжее Ушко. Она устроилась поудобнее на макушке кургана и начала рассказывать:

«Собралась Белка на охоту. Приказала сыну:

— Ты, сынок, из дома никуда не ходи. Жди меня. Да орешек не ешь. Он у нас последний.

— Ладно, — сказал Бельчонок.

Но одно дело сказать, а другое — вытерпеть. Бельчонок не вытерпел, съел орешек. Пока ел, ничего, а съел — стыдно стало: что же он теперь матери скажет? И решил Бельчонок правду не говорить.

— В лесу не один я живу. Разве некому орешек унести?

Пришла Белка с охоты. Бросился к ней Бельчонок, кричит:

— Мама, мама, а у нас кто-то орешек унес. То был, был, а то смотрю, а его нет уж.

А глазенки светлые, чистые, как две бусинки.

Улыбнулась Белка. Достала из кошелки кедровую шишку. Спрашивает:

— А еще орешков хочешь?

— Хочу! — подпрыгнул Бельчонок. — Одним раз-
ве наешься?»

Белка оправила на груди белую манишку, ска-
зала:

— Вот и вся моя сказка. А вы знаете, про кого она? Про моего сына. Это с ним такая история про-
изошла.

В заднем ряду колыхнулась медведица Авдотья:

— Что она сказала, Матренушка?

— Она сказала, что сын у нее без разрешения оре-
шек взял.

— И она из-за одного орешка жалуется всем?
Охо-хо!

И заворчала что-то себе под нос, а белка Рыжее
Ушко дальше рассказывать начала:

«Прибегает Бельчонок к матери, рассказывает ей:

— Волка напугал сейчас.

— Как это ты его?

— А так: идет он, а я как свистну. Ты же зна-
ешь, как я свистеть умею. Волк так и присел. Чуть
потом поднялся.

— Ой, — закричала Белка. — Гляди: деревья
гнутся.

— Где? — завертел головой Бельчонок. — Я не
вижу.

— Опоздал видеть. Они уже выпрямились. Я при-
метила: они всегда гнутся, когда ты неправду гово-
ришь.

Загнул Бельчонок хвост трубой и полез в кро-
ватку.

Дня через три после этого прибегает Бельчонок домой весь поцарапанный, избитый.

— С Енотом, — говорит, — подрался. Из-за шишки сосновой.

— Ну и как? — спрашивает Белка.

А Бельчонок развернул узенькие плечи пошире, отвечает:

— Хотя и побольше он меня, хоть и крепко он меня поцарапал, а все же я ему так дал, что он даже к ногам моим свалился. И потом еще попросил: «Доведи меня до дома, а то я сам теперь не дойду». И я его отвел, конечно.

— А что это ты, сынок, все по сторонам смотришь? — спросила Белка,

— Так, ничего, — ответил Бельчонок и пошел умываться.

Не мог же он сказать матери, что смотрит: не гнутся ли деревья...»

Закончила белка Рыжее Ушко рассказывать свою вторую сказку, и тут же вскочил с места Енот. Замахал лапами:

— Ну и хвостун у тебя сын. Вы посмотрите на меня, братцы. Ну разве Бельчонку со мной сладить?

Все засмеялись. Смеялась со всеми и белка Рыжее Ушко, а черепаха Кири-Бум сидела возле свертка с пирогом, похлопывала по нему ладошкой, приговаривала:

— А это кто-то сегодня получит.

«Только не я», — подумал медведь Михайло. И Лиса подумала: «Не я», — потому что сказок у нее не было.

— Вы знаете, о ком моя вторая сказка? — спросила белка Рыжее Ушко.

— Енот уж сказал, — тявкнула Лиса. — О сыне о твоём.

И на барсука Фильку покосилась, а барсук на нее взгляд бросил и крепче зажал в коленях узелок с ужином.

А белка Рыжее Ушко уже рассказывала свою третью сказку:

«Увидел Бельчонок — прохудилась у старенькой Белки крыша. Сказал ей:

— Давайте я почию.

И починил.

Посмотрела Белка крышу. Похвалила Бельчонка:

— Молодец.

Целую неделю бегал Бельчонок по роще, хвастался:

— Я молодец. Это мне старенькая Белка сказала. Какое слово хорошее — молодец.

А как-то бежит он, смотрит — гнездо длиннохвостой портнихи на кусту чернеется. Взял да и спихнул его на землю.

Увидела птичка — негде ей жить, сказала с грустью:

— Какой ты молодец. Оставил меня без дома.

И стыдно Бельчонку стало. С неделю он тихий по роще ходил, в глаза всем поглядеть стеснялся. Думал с печалью: «Молодец — какое слово разное. Вроде и опять я молодец, а не похващаешься».

Закончила белка Рыжее Ушко рассказывать свою третью сказку, и тихо стало у кургана, даже Мышонки не плясали на пенечке. Только медведица Авдотья колыхнулась в заднем ряду и спросила у соседки:

— Что она сказала, Матренушка?

— Она говорит, что ее сын — молодец.

— И-и, нам, матерям, часто так кажется: молодцы наши дети, а присмотришься получше и видишь — они не молодцы, а хитрецы. Вон Ивашка у меня и ленивый и озорник, а ведь тоже когда-то казалось мне, что он у меня молодец.

Ивашка даже икнул под березой от неожиданности. Он тоже решил попытать счастья. Решил он понравиться Дубоносу. Понравится Ивашка ему — и пирог с тыквой будет его. Дубонос настоит. У него вон какой вид умный. И Ивашка сочинил про Дубоноса сказку и рассказывал ее самому себе шепотом:

«Говорила Вишенка Дубоносу:

— Уж и упрятала я свое семечко глубоко-глубоко: в самую косточку.

— А мы ее сейчас — хруп! — и достанем, — сказал Дубонос и раскусил косточку.

Скорлупку выкинул, а зернышко съел.

— Что ты наделал, — воскликнула Вишенка и всплеснула листочками. — Ты же съел целое деревце.

— Что ты говоришь? — удивился Дубонос. — А я и не заметил.

И — хруп! — раскусил еще одну косточку. Скорлупку выкинул, а зернышко съел. И еще хрупнул. Сидел и хрупал: хруп да хруп! Пока не наелся. Наелся и полетел домой.

Глядела ему вслед Вишенка и покачивала ветвями:

— Надо же! Съел целый вишневый сад и — ничего. Вот это живот!»

Думал Ивашка: расскажет он свою сказку, посмеется Дубонос и присудит ему пирог с тыквой. Но услышал, что сказала мать, и икнул от неожиданности. Теперь ему пирога не видать. Эх, подвела его мать глухотой своей, очень подвела. Пропала сказка. Зря придумывал, голову ломал,

ДОХИХИКАЛСЯ ЗАЯЦ

Дятел, Голубь и Дубонос, сдвинув головы, решали: дать белке за сказки пирог или нет. Голубь с Дятлом, те сразу заспорили. Дубонос сидел молча, ждал: договорятся Голубь с Дятлом, присоединится он к ним, и опять у них решение будет принято единогласно. И когда договорились они, объявил Дубонос серьезно и умно:

— Посоветовались мы и решили: хоть сказки у белки и интересные, пирога ей не давать, потому что рассказывала она о своем сыне, а еще не известно, каким он у нее вырастет.

— Верно! — привскочил медведь Михайло. — Надо еще посмотреть, каким у нее сын будет. И вообще пусть она своему сыну сказки свои рассказывает, они ему на пользу пойдут, а мы и не такое слышали.

Пока выступала белка Рыжее Ушко, медведь Михайло успел прийти в себя после неожиданного провала и теперь радовался втайне, что и белке не дали пирога.

Медведь Лаврентий оглянулся на него, покачал головой:

— Михайло, Михайло...

Вокруг заулыбались, а медведь Тяжелая Лапа подумал: «Ох, невыгодное у меня соседство. Над Михайлой смеются, а на меня смотрят».

На горькой осине горько вздохнула Сорока. Бурдучок на сосне сутулился, глядел на всех жестко

и скучно. Медведь Спиридон позвонил в колокольчик:

— Ну, кто еще хочет попытать счастья?

Барсук Филька поднялся.

— Можно мне попробовать?

И положил на бревнышко узелок с ужином. Встряхнулся, пригладил волосы на голове и пошел было, но с половины пути вернулся. Поглядел Лисе прямо в глаза. Сказал:

— Не-ет.

Взял узелок с ужином, протянул медведю Лаврентию:

— Пусть он возле тебя полежит, пока я говорить буду.

Лиса обиделась:

— П-подумаешь.

И пересела к Еноту.

Филька взобрался на макушку кургана. Помахал лапой:

— Тише, я говорить начинаю. Сперва я расскажу вам, как Енот сыновей учил, а после еще кое о чем.

И начал рассказывать:

«Было у Енота два сына. Один умный, а другой — дурак дураком. Енот и днем с глупым возится. И ночью все его чему-нибудь учит, на умного и внимания не обращает.

— У него, — говорит, — ум острый, сам до всего дойдет. А глупого я подвострю, натаскаю, и будет у меня в семье два умных сына.

И вот учит, вот учит глупого сына. Подойдет к нему умный сын, просит:

— Поучи и меня чему-нибудь.

Отмахнется от него Енот.

— Некогда мне. Не видишь разве, что я с твоим глупым братом занят. Ты у меня смекалистый, сам до всего дойти можешь.

Бьется Енот с глупым сыном день. Бьется с ним ночь. А тот ничего не понимает. Учит его, учит Енот и все без толку. Показывать начнет:

— Делай вот так.

Подойдет умный сын, просит:

— Покажи и мне, отец, как надо делать.

Отмахнется от него Енот:

— Не мешай, некогда мне. Ты умный, ты сам до всего дойдешь. Мне твоего брата нужно на ум натаскивать.

Но сколько Енот ни бился с ним, так ничему и не выучил его, время только зря потерял.

И умный сын его неучем вырос.

«Один у Енота сын глупым был, а выросли — оба никуда не годятся».

Этимися словами закончил Филька свою сказку, и все повернулись к Еноту — что скажет он. Еноту ничего не надо бы говорить. А он вскочил.

Лапами замахал.

Затараторил:

— Братцы, не обо мне эта сказка. У меня сыновья умные. Это, наверное, о брате моем Филька рассказывал. У брата моего в самом деле сыновья немного того... Не такие, как у других.

Помолчал.

Добавил с грустью:

— Ну а если говорить честно, то даже когда не у тебя, а только у брата твоего неучи растут, все равно плохо.

У Маняшина кургана грохнул смех. На березовой ветке, забыв о Мышонке, покачивался и хохотал Филин:

— О-хо-хо-хо!

А Филька закончил одну сказку и тут же начал другую, чувствовал он себя плохо и долго стоять на кургане не собирався:

— Расскажу я вам, братцы, про сына медведицы Авдотьи медвежонка Ивашку.

И стал рассказывать:

«Охота была Ивашке рыбки поесть, да не было у него охоты в речку лезть. Идет он по берегу, смотрит — забрел по колено в воду медвежонок Илья и ловит рыбу. Много уж наловил, целую горку.

Обрадовался Ивашка и к нему:

— Поделимся, Иля, по-братски. Ту рыбку, что на берегу лежит, я возьму, а ту, что еще в речке плавает, ты бери. Тебе, правда, больше досталось, да ладно, я не жадный. Пусть так будет.

И оставил медвежонка Илю без рыбки. Поплакал медвежонок да с тем и домой пошел.

На другой день наловил Иля опять рыбки. Только есть приготовился, а Ивашка выходит из-за куста. Он все утро за ним прятался, ждал, когда наловит Иля побольше.

— Поделимся, Иля, по-братски. Ту рыбку, что на берегу лежит, так уж и быть, я возьму, а ту, что в речке плавает, ты бери. Тебе, правда, больше досталось, да ладно, пусть так будет, я не жадный.

И опять оставил медвежонка Илю без рыбки. Поплакал Иля да с тем и пошел домой.

На третий день снова наловил себе Иля рыбки. Только есть приготовился, а Ивашка выходит из-за куста. Все утро прятался за ним, ждал, когда наловит медвежонок побольше.

— Поделимся, Иля, по-братски.

А в это время из-за другого куста вышли Мишук с Машутой да еще трое медвежат. Прослышали они, что Ивашка малыша обижает, и пришли.

— Верно, Ваня, — говорит Мишук, — по-братски жить надо. Ты давай полезай в речку рыбку ловить. Ту, что поймаешь, мы съедим, а что в речке останется, твоей будет. Мы не жадные.

— Еще чего придумали, — проворчал Ивашка и пошел было домой.

Но медвежата сгребли его и кинули в воду.

— Лови. И пока не накормишь нас, домой не пойдешь.

Посмотрел на них Ивашка и чуть было не заплакал от злости — пятерых медвежат досыта накормить, это сколько же надо рыбы поймать. Но делать было нечего, начал Ивашка ловить.

Поймает рыбку, выкинет на берег. Съедят ее медвежата, похвалят:

— Молодец! Это по-братски. Давай, давай. Тыловишь, мы едим, совсем это по-братски. Давай, давай.

И давал так Ивашка до самого вечера, пока не накормил всех. Наелись медвежата, Иле в сумку наложили. Сказали:

— Вот теперь, Ваня, ты можешь и себе поймать. Мы не жадные.

— Нет уж, хватит с меня, досыта наловился, — сказал Ивашка и побрел домой».

Все время, пока рассказывал барсук свою сказку, Ивашка ерзал под березой, глаза ото всех прятал, выкрикивал:

— И не сказка это вовсе, а была настоящая.

А Мишук посмеивался над ним, локтем подталкивал:

— Как он тебя, Ваня, а!

— Это из-за вас я в такую историю попал. Из-за вас.

Над Ивашкой подтрунивали, а барсук вытер пот со лба и поднял лапу.

— Тише, я дальше говорить буду.

Показалось Фильке, что придвинулась Лиса к медведю Лаврентию. И Филька заволновался: как бы не утащила она узелок с ужином. Медведь Лав-

рений за ним совсем не смотрит. Беда может случиться. Пирог выиграешь, нет ли, а свой ужин всегда иметь надо.

И Филька тряс над головой лапой:

— Тише, да тише вы, я говорить буду. Третья моя сказка называется «Дичок».

— Это про Бурундучка, что ли? — подал голос медведь Михайло. — Ну его к лешему, еще на такую сказки тратить. Слезай с кургана.

— А ты если сам провалился, так и другим теперь рассказывать не даешь?

Это сказала медведица Матрена. Медведь Михайло насупился, ничего не ответил ей.

И все так и забылось бы, если бы не заяц с Рыжими Усами. Повернулся он к медведю Михайле и сказал:

— Болит сердечко, Михайло Иванович?

И закачался Маняшин курган от смеха. Не смеялся только Бурундучок на сосне. Глядел он на всех мрачно и мрачно ворчал:

— И чего смеются? Ведь ничего же смешного нет.

Заяц оглянулся на медведя и прыснул в ладошку. Медведь Михайло наклонился к нему и крутнул за ухо. Заяц так весь и скривился. Сидел после этого и ругал самого себя:

— Дохихикался.

А Филька между тем рассказывал:

«Жил в роще Бурундук. И зиму и лето носил шубу в полоску. И ни разу никто не видел, чтобы он смеялся. Хмурым всегда Бурундук был. Глядел на всех исподлобья. И звали его все Дичком.

Так и прожил Бурундук свою жизнь и ни разу не улыбнулся.

Состарился.

Ходит по роще все в той же шубе в полоску и все такой же хмурым. Дичок и есть Дичок.

А однажды бежит мимо его домика Белка и слышит — кхи-кхи, за дверью у Бурундука.

Так и всплеснула Белка лапками:

— Батюшки! Бурундук смеется.

Заглянула к нему в окошко и видит: держится Бурундук за грудь и кхикает:

— Кхи-кхи...

— Сюда! Сюда! — закричала Белка. — Идите поглядите: наш Дичок смеется.

Слетелись на ее крик птицы, сбежались звери — всем интересно посмотреть, как Бурундук смеется. Все-таки прожил целую жизнь и ни разу не улыбнулся.

Столпились у домика Бурундука. В окошки заглядывают, в двери лезут. А Бурундук держится за грудь лапками, глаза подо лбом у него, кхикает:

— Кхи-кхи-кхи.

Белка даже за плечо его потрясла. Сказала:

— Нам, конечно, приятно видеть, как ты смеешься, но ты не смейся так глубоко, а то еще задохнешься.

Глянул на нее Бурундук слезящимися выцветшими глазками и говорит:

— А с чего это ты взяла, что я смеюсь? Я и не смеюсь вовсе. Я кашляю.

Схватился опять лапками за грудь и захихикал».

Сказал это Филька и закашлялся. Закашлялся всерьез и всерьез чихнул два раза — все-таки крепко простудился вчера на речке. Но все решили, что это показывает барсук, как Дичок кхикал, и захохотали.

— Ай да Филька! Ай да молодец! Разделал нашего Дичка. Эй, Дичок, где ты там? Да ты не прячься, вылезай наружу, мы на тебя поглядим.

На пеньке под березой плясал и хлопал в ладоши Мышонок, а медведица Авдотья кричала на всю рощу своей подружке медведице Матрене:

— Что он сказал, Матренушка?

И так же на всю рощу кричала ей медведица Матрена:

— Он рассказал, как Дичок смеялся.

— Смеялся? Наш Дичок? Но это же неправда. Этого же не может быть. Зачем его слушают? Гоните его с кургана!

И снова все засмеялись. Смеялся даже барсук Филька.

ОТЧЕГО ВОЛК ПЕРЕСТАЛ СМЕЯТЬСЯ

Сказки барсука всем понравились. Над Ивашкой, как он ловил рыбу, и над Бурундуком смеялись. А на горькой осине горько вздыхала Сорока. Филин не вытерпел, спросил:

— Что ты все вздыхаешь?

— Как же не вздыхать? Столько интересного увидела и услышала за вечер и все — зря.

— Почему — зря?

— Как же не зря? Если бы все это я одна видела, если бы все это я одна слышала, мне бы на всю жизнь рассказывать хватило. А так кому будешь рассказывать, когда и без меня все это видят и слышат.

Черепаша Кири-Бум сидела возле свертка с пирогом и похлопывала по нему ладошкой:

— А это сегодня кому-нибудь достанется.

«Только не мне уже», — подумал медведь Михайло и покачал головой. Да, поторопился он со сказками. Надо было послушать, что другие бы говорить

стали. Сравнить, прикинуть в уме, а то полез на курган с мелочью и попал в историю.

Барсук Филька молча стоял на кургане, ждал, что скажут Дятел, Голубь и Дубонос. А они сдвинули умные головы, посоветовались и решили: сказки у барсука хорошие и можно допустить Фильку к участию во втором туре.

— Значит, мне надо еще одну сказку рассказывать? — спросил Филька у медведя Спиридона.

И тот пояснил ему:

— Готовься. Вот как пропустим всех по разу, пригласим тебя.

— Это что? Опять сюда выходить? Я не могу. Вы уж меня сейчас прослушайте. Простудился я на речке. Насморк у меня. Вдруг совсем разболеюсь и выйти не смогу.

И по общему согласию барсуку Фильке, как больному, разрешили рассказать подряд и четвертую сказку. Филька покашлял в кулак, покряхтел, начал:

«Задумали зайцы Волка казнить. Житья им от него не стало: ест он их и ест. Собрались они у старой березы и начали совет держать: где, на каком месте казнить его.

Заяц Длинные Уши сказал:

— Давайте повесим его у Ванина колодца.

— Ну и выбрал место, — сказал заяц с Лысой Горы. — Если уж где и вешать Волка, так это у нас на горе, на самой ее макушке.

— Нет, — сказал заяц Рванный Бок, — надо его повесить посреди Бобровой запруды.

И заспорили зайцы. Такое тут началось: лапами размахивают, друг на друга на скакивают, и такой ли гуд по лесу идет, что не поймешь даже, кто чего кричит.

Так зайцы ничего и не решили в этот день. Не ре-

шили и до сегодняшнего дня — все спорят. Как сойдутся, так и начинают спорить.

— Надо казнить Волка у Ванина колсдца, — кричат одни.

— На Лысой горе, — кричат другие.

— Посреди Бобровой запруды, — кричат третьи.

Спорят зайцы. Никак договориться не могут, где казнить Волка. А Волк знай себе ест их. И не обращает внимания на место. Где поймают, там и съест.

И у Ванина колодца ест.

И у Лысой горы ест.

Одного даже у Бобровой запруды поймал. Ну и съел, конечно».

При этих словах волк Рыжий Загрявок ослабил-ся:

— Гы... Гы... Гы...

Он действительно позавчера поймал одного зайца у Бобровой запруды и съел, конечно. Волк пришел на Маняшин курган не ради пирога. Сказок у него не было, и выступать он не собирался. Волк пришел развлечься, посмеяться немного. Надоело в темном логове одному сидеть.

Волк смеялся от всего сердца. Ай да барсук, ай да Филька, как поддел зайцев. А медведица Авдотья хлопала глазами, ничего не понимала. Видела — смеются вокруг, а чему — не знала. Толкнула подружку под бок:

— Что он сказал, Матренушка?

— Что зайцы волка повесить хотят.

— А что, дело хорошее. Давно его, разбойника, пора на сук вздернуть. Проходу от него зайцам не стало.

И еще голоса раздались:

— А ведь верно: безобразничать начал волк последнее время, одолел бедных зайчишек.

— Чего там зайчишек, — подал с березы голос

бобер Яшка. Ему хотелось, чтобы все поглядели, как высоко сидит он на березе. — Вы знаете, как он медведя Ивана в прошлую субботу принял? Жуть одна. У меня до сих пор мурашки по спине бегут. Послушайте, как дело было.

Бобер уселся поудобнее и начал рассказывать:

«Был медведь Иван в силе, был и в почете. Шли к нему ближние и дальние родственники.

— Берлогу новую строим. Приди, посиди под ма-тицей. Говорят, от этого берлога прочнее бывает и счастье живет в ней.

И медведь шел, сидел.

— На охоту собираемся, барашка зарезали. Приди, съешь кусочек. Говорят, от этого охота удачнее бывает.

И медведь Иван шел, ел. Спокойно возле него родственникам было: вон он, медведь-то, здоровяк какой, вон в нем силы сколько. Поможет при случае.

И медведь помогал, не отказывал.

Волк Рыжий Загривок и тот к нему в родню на-просился. Приходит один раз и говорит:

— Сын у меня родился. Будь ему отцом крестным, а мне — кумом.

Попробовал было медведь Иван отказаться:

— Кумовство-то вроде не в почете сегодня.

Но волк Рыжий Загривок просил, убеждал:

— Нельзя от старых обычаев отказываться.

И медведь согласился быть волку кумом. Дово-лен был волк. Чуть что, бывало, бежит к медведю:

— Помоги, кум.

И медведь Иван помогал ему. Говорил всем:

— Не обижайте волка. Он мой кум.

И обегали все стороной волка. И был он доволен.

Но вдруг напала на медведя Ивана хворь. На гла-зах истаял, захирел.

И сразу никому он не нужен стал. Сначала отка-

зались от него дальние родственники, потом ближние. Ни под матицей в новой берлоге посидеть его не зовут, ни барашка перед охотой отведать. И в помощи ему отказали.

И пошел тогда медведь к волку.

— Помоги берлогу поставить. Мне самому не сдюжить. Ослабел я.

Но отвернулся от него волк Рыжий Загривок:

— Некогда мне.

— Но ведь ты кумом мне доводишься, — напомнил медведь.

— Об этом надо забыть, — сказал волк. — Кумовство теперь не в почете.

— Но ведь ты же сам говорил, что нужно держаться за старые обычаи.

— Верно, за старые обычаи держаться надо, но надо и новые создавать. Я решил придерживаться новых обычаев — без кумовства жить.

И выпроводил его за порог.

И крепко-накрепко закрыл за ним дверь».

— Вот он какой, волк Рыжий Загривок, — закончил бобер Яшка рассказ свой.

И зашумели вокруг:

— Гнать волка! Гнать его из нашей рощи!

Услышал это волк и перестал смеяться.

Сидел.

Озирался по сторонам и думал: «Ах ты, барсучина. Ну, погоди...» И ругал себя: зачем пришел, не сиделось ему дома. Пусть темно у него в логове, пусть одиноко, зато никто его там не осудит, а тут — пожалуйста, из рощи гнать собираются.

Вокруг шумели.

Кричали.

Размахивали лапами.

Медведь Спиридон позвонил в колокольчик:

— Тихо, братцы. Мы для чего сюда собрались?

Сказки слушать. Так давайте о сказках и речь держать, а с волком мы сумеем и завтра разобраться.

И повернулся к Фильке, который все еще стоял на кургане и хмуро глядел прямо перед собой:

— Ты иди, Филька, на место. Другие выступать будут.

— Я пойду, — сказал Филька. — Только насчет пирога поясните: ждать мне его или ужинать.

— Мы не можем этого пока сказать. Других послушать надо.

— Тогда я буду ужинать. А то болею, да еще голодом морить себя стану, совсем ослабну, — сказал Филька и пошел на свое место.

А медведь Спиридон спросил с макушки кургана:

— Ну, кому теперь предоставить слово?

— Предоставь мне, Спиридоша, — напомнил о себе медведь Иван.

Пирога с тыквой ему отведать хотелось все-таки, но ему опять отказали: с одной сказкой на победу надеяться нечего.

— Эх, а я такую даль шел, да торопился, боялся опоздать, — вздыхал медведь Иван, покачивая реденькой бородкой.

Щенок Федотка подтолкнул Вертихвоста:

— Иди, Вертихвост, пора.

— Отстань, — отмахнулся от него Вертихвост.

А медведь Спиридон спросил:

— Так что, некому больше сказки рассказывать?

И все услышали тоненький голосок:

— Как это некому? Ты разве не видишь, что я уже иду?

Медведь Спиридон наклонился и увидел на тропе Ежа Иглыча. В роще его побаивались: язык у него острый, и сам он со всех сторон колючий. Нет, с Ежом лучше не связываться. И потому как только взбежал Еж Иглыч на курган и взобрался на врытый

в его макушку камень, все притихли, а Еж Иглыч поморгал крошечными глазками, пошуршал колючками, заговорил:

— Больше всего в своей жизни я не люблю плутов. И решил я их в своих сказках на позор перед всей рощей выставить. А самый главный плут у нас в роще кто? Лиса! О ней и будет моя первая сказка.

Еж Иглыч стоял на макушке кургана на сером камне, шуршал колючками, пятачок его длинного носа торчал остро. Еж Иглыч рассказывал:

«Нашла Лиса жука, а он ей ни к чему. Выбросить — жалко. Мимо Барсук шел. «А подарю-ка я ему, авось пригодится», — подумала Лиса и крикнула:

— Эй, Барсук, жука хочешь?

Глянул Барсук и живот погладил.

— Еще бы такого не хотеть.

— Бери тогда, дарю я тебе его.

И подарила Барсуку жука. Барсук с охоты шел. Развязал он сумку и говорит:

— Мы, барсуки, не привыкли просто так подарки принимать. Мы привыкли отдаривать. Держи-ка.

И протянул Лисе связку мышей.

Сидит Лиса, ест их и думает: «Если он мне за жука дал целую связку мышей, то что же он мне даст за лягушку?»

И на другой же день пошла Лиса к озеру, поймала лягушку, отнесла Барсуку.

— Это тебе мой воскресный подарок.

А дело и впрямь в воскресенье было.

Принял Барсук лягушку. Забеспокоился: чем же Лису отдарить. Ничего у него припасено не было.

— Побегу добуду чего-нибудь. Мы, барсуки, не привыкли просто так подарки принимать. Мы привыкли отдаривать.

Сбежал Барсук в чащу, поймал тетерева. Отдал Лисе.

Сидит Лиса у себя дома, ест и думает: «Если он за лягушку дал мне тетерева, то что же он мне даст за луковицу?»

А до луковиц Барсук большой охотник.

На другой же день отыскала Лиса на поляне луковицу, выкопала и понесла Барсуку. Увидел ее в окошко Барсук и заволновался:

— Батюшки! Опять идет. За жука я ей мышей дал, за лягушку — тетерева, а за луковицу, что же, за гусем на деревню бежать? Сам чуть перебиваюсь, а тут ее еще корми.

Вылез Барсук наружу и, пригибаясь, от кустика к кустику убежал прочь от своей норы и больше не вернулся.

— Пусть, — говорит, — считает Лиса, что я только за то, что издали поглядел на ее луковицу, нору ей подарил свою».

Еж Иглыч покряхтел, пошуршал колючками. Сказал:

— Вот и вся моя сказка. А теперь скажи, Филька, правду я говорю или нет? Так дело было или по-другому?

— Так. Все так, — привстал барсук, доедая свой ужин. — Замучила Лиса меня своими подарками. Мышей моих съела, тетерева съела. Я уж так решил: пусть лучше без норы останусь, а кормить ее больше не буду.

— Хо-хо-хо, — захохотал на березе Филин.

И вдруг спохватился:

— А что это я хохочу? Э, просмеешься тут до утра и останешься без ужина. Мышонка не взять, он весь на виду.

И полетел в чащу.

А Еж Иглыч говорил в это время на кургане:

— Сама Лиса — плутовка и Лисенка плутовству учит.

— Неправда! — вскочила Лиса.

— Как это неправда? — зашуршал Еж Иглыч колючками. — Значит, я вру? Да я за всю свою жизнь ни разу не врал. Плут твой Лисенок. Послушайте, как он на днях медведя Спиридона оплутывал. Поймал медведь в речке пять раков, несет домой. Думает — позавтракаю сейчас.

Навстречу ему Лисенок. Увидел в лукошке у медведя раков, заблестел глазенками.

— Что, — спрашивает медведь Спиридон, — хочется небось рака отведать?

— Хочется, — признался Лисенок. — Ух, как хочется.

Достал медведь из лукошка рака.

— Ну, так и быть, возьми одного. Мне на завтрак и четырех хватит.

Потянулся было Лисенок за раком, но тут же отдернул лапку.

— Нет, дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это? — удивился медведь.

— Принесу домой, спросит мать, где взял...

— Скажешь, что я дал.

— Оно бы можно, дядя Спиридон, да нельзя. Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, а мне — нет. Не поверит. Не донес, скажет, съел дорогой. Да еще и побьет. Из доброты твоей беда может выйти.

— Кха, — крикнул медведь Спиридон и достал из лукошка еще рака. — Бери, коль, двух тогда. На завтрак мне и трех хватит.

Потянулся было Лисенок за раками, но тут же отдернул лапку.

— Нет, дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это?

— Принесу домой, спросит мать, где взял?

— Скажешь, что я дал.

— Оно бы можно, дядя Спиридон, да нельзя. Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, мне дал, а братишку позабыл? Не поверит.

Крякнул медведь Спиридон и достал из лукошка еще одного рака.

— Бери, коль, трех тогда. До обеда я как-нибудь и двумя обойдусь, а там еще поймаю.

Потянулся было Лисенок за раками, но тут же отдернул лапку.

— Нет, дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это?

— Принесу домой, спросит мать, где взял?

— Скажешь, что я дал.

— Оно бы можно, дядя Спиридон, да нельзя. Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, мне дал, брату твоему дал, а сестренку маленькую позабыл. Не поверит. Побьет еще, скажет — съел дорогой.

Крякнул медведь Спиридон и достал из лукошка еще одного рака.

— Бери и четвертого, коль, тогда.

Потом посмотрел в лукошко и последнего достал.

— И этого бери. Может, у тебя дед есть или бабка какая. Бери уж заодно и лукошко, а то еще не поверит твоя мать, что такой добрый, как я, медведь мог дать тебе раков без лукошка.

Сунул медведь Спиридон Лисенку лукошко с раками и пошел к речке: надо же чем-то позавтракать, обобрал его Лисенок-то».

Еж Иглыч поежился, пошуршал колючками, повернулся к медведю Спиридону:

— А теперь скажи, Спиридон, правду я говорю или нет? Так дело было или по-другому?

— Так, все так, — сказал медведь Спиридон. — Остался я тогда без завтрака. Пришлось мне еще раз за раками в речку лезть, мерзнуть.

— Вот видите, я никогда не говорю неправду. А сейчас я расскажу вам еще об одном плуте.

И, глядя прямо перед собой, стал рассказывать:

«Немало на своем веку Горностай по земле ходил, в каких только краях не был. Пришел в Гореловскую рощу. Понравилась она ему, и решил он в ней навсегда поселиться. Быстро друзьями оброс. Что ни вечер, бегут они к нему со всей рощи посумерничать, время скоротать. Соберет их Горностай вокруг себя и начинает рассказывать, где он был, что видел.

Слушают его друзья и головами качают: оказывается, каких только краев на земле нет. Походить бы, поглядеть. Да ведь это не то, что на речку сбегать, воды похлебать. Дорога дальняя, места чужие, и не увидишь, как с бедой встретишься.

А Горностай смеется:

— Беда, она тебя и дома найти может. Зато походишь, поглядишь. Вон я в Крыму был, знаете там горы какие? До неба!

И так каждый вечер: Горностай рассказывает, а друзья его слушают. А поблизости, на Маняшином кургане, Крыса жила. Завидно ей было, что Горностай и побывать везде успел и друзьями обзавестись в роще, а вот она, Крыса, и давно здесь живет, а дружить с ней никто не хочет.

И задумала Крыса выжить Горностая из рощи.

— Хоть и повидал он много, но ведь не по небу и он ступает, все по той же земле, и его запросто подкузьмить можно, если взяться за это с головой.

И взялась Крыса. Проведала, что в Осинниках на ночь Беда остановилась, прибежала к ней. Отыскала ее в малиннике. Дерг за рукав.

Спала Беда. Открыла глаза, спрашивает:

— Кому я здесь понадобилась? Что-то не разгляжу спросонья, да и месяц за тучу скрылся. Кто ты?

— Крыса я. Ты чего лежишь-то? Жируешь? Ты — Беда. Ты не лежать — бедовать в наш край пришла, вот и бедуй. К Горностаю иди. Хвастался он, что почти всю землю обошел и никакой беды не боится.

— Где живет он? — вскинула Беда брови крутые. — Веди меня к нему.

— Возле Маняшина кургана живет он. Придешь в Гореловскую рощу, тебе каждый покажет. А вместе нам идти нельзя: поколотят меня потом, если я приведу тебя к нему.

Пришла Беда в Гореловскую рощу. Смотрит: Заяц по просеке скачет. Окликнула его.

— Эй, косой, где у вас тут курган Маняшин? Там, говорят, поблизости Горноста́й живет, повидать мне его надо.

Смекнул Заяц, что Беда перед ним, и думает: «Надо выручать друга». И направил Беду совсем в другую сторону — к Ванину колодцу, а сам прямоком к Горностаю.

— Перебирайся, брат, жить в другое место: Беда тебя разыскивает.

Собрал Горноста́й пожитки свои и перебрался в Косой овраг. Место здесь влажное, для травы ладное, почему не пожить в красоте такой?

Поплутала Беда по роще, выбралась наконец к Маняшину кургану, смотрит — нет Горноста́я. Нет так нет, не искать же его по всей роще. Да и спать хочется, в Осинниках-то недоспала. Легла под березу, свернулась калачиком, уснула, а Крыса вот она, теребит за рукав:

— Ты чего тут завязла? К Горностаю шагай. Пока ты плутала по роще, он в Косой овраг жить перебрался. Туда иди, там он.

Рассказала Крыса, как идти надо. Пошла Беда. Выбралась к оврагу, а он длинный и весь черемухой зарос. Где искать Горностаю?

Мимо Сова летела. Okликнула ее Беда.

— Эй, Сова, большая голова, где у вас тут Горноста́й живет? Повидать мне его надо.

Смекнула Сова, что Беда перед ней, думает: «Надо выручать приятеля». И направила Беду совсем в иную сторону — к кусту ракитовому, а сама к Горностаю поскорее полетела:

— Перебирайся, брат, жить в другое место. Беда по оврагу ходит, тебя разыскивает.

Собрался Горноста́й поскорее и побежал к сосне с кривым сучком, возле нее решил поселиться. А Беда искала его, искала в Косом овраге, не нашла. Легла под куст шиповника, уснула. А Крыса, вот она уже, теребит за рукав:

— Ты чего вытянулась? Никакого в тебе радения нет. Не зря говорят, что трутню и в будни праздник. К Горностаю иди. Пока ты плутала по оврагу, он к сосне с кривым сучком перебрался. Там и найдешь его.

— Нет, — вскинула Беда брови крутые, — хоть и ладно ты баюкаешь, да сон не берет. Никуда я не пойду. И велик у меня кулак, да плечо узко — не размахнуться. Не найти мне Горноста́я: приятелей у него много, не ту дорогу указывают. Хватит, досыта набродилась. Время теряю, а дела нет. Я лучше у тебя поселюсь, в твоей норе бедовать буду. Мне ведь все равно, где бедовать.

С той поры и живет у Крысы в норе. У нее бедует».

Досказал Еж Иглыч свою сказку и пошел с кургана, да медведь Спиридон окликнул его:

— Погоди. Пока Дятел, Голубь и Дубонос не оце-

нят твои сказки, ты не должен уходить. Возвращайся на место.

— Зачем? Я ведь не медведь Михайло. Я не ради пирога с тыквой сказки рассказывать выходил. Я что хотел сказать? Что есть среди нас плуты, а быть их не должно. Я только это и хотел сказать, а пирог зачем мне? Отдайте его кому-нибудь другому.

И поскрипывая колючками, скатился с кургана. Злым взглядом провожала его не только Лиса, но и медведь Михайло. Ерзал он по бревну и думал: «Попал я в историю. Как он обо мне ввернул ловко! Глаза поднять стыдно».

И вздохнул. И на его вздох эхом отозвалась на горькой осине Сорока.

Крыса проводила Ежа горящим ненавидящим взглядом и негодуя скрипнула зубами: «Ну, погоди, колючка, я у тебя в долгу не останусь...»

КОЗЕЛ ЯШКА И ДРУГИЕ

Дятел, Голубь и Дубонос сдвинули головы, посоветались и решили: сказки Ежа Иглыча одобрить, допустить его к участию во втором туре конкурса, а уж там дело его — будет он участвовать или нет.

— Ну, — сказал медведь Спиридон, — кто еще хочет испытать счастье?

Очень бы хотелось испытать его медвежонку Ивашке, но он пока был не готов. Про Дубоноса он придумал сказку, теперь придумывал про Дятла.

Понравится он им двоим, и пирог будет его. Сидел Ивашка под березой и нашептывал самому себе свою сказку:

«Вернулся из жарких стран весной Дятел в родную рощу и тут же принялся гнездо строить. Выбрал осину понадежнее. Выдолбил дупло в ней, глубокое, теплое. Зовет жену:

— Иди, принимай.

Залезла жена в дупло. Посидела в нем немного, вылезла.

— Не пойдет, — говорит.

И объяснила почему:

— Глубокое больно. Свету мало будет. Ослепнешь, пока птенцов выведешь. Да и они без света близорукими вырастут. Долби другое.

— Другое так другое, — сказал Дятел и на сосну перелетел. Сосну долбить начал, а дупло, что он на осине оставил, Малиновка заняла. Осмотрела его, сказала:

— В самый раз. Спасибо Дятлу.

И села яички нести. Малиновка яички несет, Дятел новое дупло себе на сосне долбит. Долбил, долбил — выдолбил. Просторное, светлое. Зовет жену:

— Иди, принимай.

Залезла жена в дупло. Посидела в нем немного, вылезла.

— Не пойдет, — говорит.

И объяснила почему:

— Больно ты сосну смолистую выбрал. Чувствуешь, как скипидаром пахнет? И сами будем угорать, и у детей головы будут чумные. Долби еще.

— Еще так еще, — сказал Дятел и перелетел на березу. В березе стал себе домик выдалбливать, а дупло, что он на сосне оставил, Вертишейка заняла. Опробовала, как сидится в нем, сказала:

— Отличный домик. Спасибо Дятлу.

И села первое яичко нести. Вертишейка сидит, яичко несет, а Дятел на березе дупло себе новое долбит. Долбил, долбил — выдолбил. Зовет жену:

— Иди, принимай.

Залезла жена в дупло. Посидела в нем немного, вылезла.

— Не пойдет, — говорит.

И объяснила почему:

— На север окошко сделал. Солнышко редко заглядывать будет. А жизнь без солнышка, — какая жизнь? Другое долби.

— Другое так другое, — сказал Дятел и перелетел на липу, ее долбить начал. Долбил, долбил — выдолбил. Осмотрела жена, покачала головой:

— Не пойдет.

И опять Дятел за дело принялся. Перелетает от дерева к дереву, долбит, а жена знай головой качает — не пойдет. Зато другие птицы селятся в Дятловых дуплах, спасибо говорят ему. Вконец измотался Дятел. Десятое дупло выдолбил, позвал жену:

— Иди, принимай, — а сам уж чуть дышит, так устал.

Осмотрела жена новое дупло. Не больно оно подходящее: и узкое, и неглубокое, и света мало. Да смотрит: притомился Дятел. Сказала:

— Это подойдет, — и села яички нести.

Дупло было хуже тех, что выдолбил Дятел раньше, но это не печалило его жену. Главное, она могла говорить теперь подругам:

— Мой муж для меня девять дупел выдолбил, и ни в одном из них я не согласилась жить. Десятое долбить заставила. Если бы и это не понравилось, еще бы долбил.

И Дятел соглашается, кивает большой головой:

— Долбил бы.

И смотрит на жену, думает: «Эх, да я для тебя,

скажи только, самый крепкий дуб в щепки расщепая. Скажи только».

Вышептывал медвежонок самому себе сказку свою под березой и жалел, что не успел придумать сказку про Голубя. Вышел бы сейчас на макушку кургана, рассказал бы и унес пирог.

А медведь Спиридон спрашивал с кургана:

— Так кто же хочет попытать счастья?

Все молчали. Медведь Иван потянул было лапу, но тут же опустил ее. Федотка толкнул Вертихвоста:

— Иди, Вертихвост, пора.

И Вертихвост поднялся:

— Дозвольте мне.

— Иди, Вертихвост, рассказывай, — разрешил медведь Спиридон.

Вертихвост легко взбежал на макушку кургана. При свете луны он был особенно красив, а Федотка вертелся, говорил всем:

— Слушайте, слушайте, Вертихвост говорить будет.

И добавил с гордостью:

— Он у нас самый лучший пес во всей деревне.

— Помолчи, Федотка, — одернул его Вертихвост и заговорил: — Расскажу я вам сейчас о нашем поле, как его однажды грачата из вашей рощи делили.

«Прилетели два грачонка на колхозное поле червей клевать. Как раз в это время трактор пахал. Пристроились за ним грачата, идут по свежей борозде, клюют. Но вот один из них, с белым пятнышком на лбу, и говорит:

— Э, так дело не пойдет. Ты вон уже куда утопал. Я за тобой не поспеваю. Ты больше меня клюешь. Давай делиться.

— Если ты считаешь, что так будет лучше, давай, — согласился его товарищ и тут же начал шагами край поля вымеривать. — Раз, два, три... Это бу-

дет твоя делянка. А это — раз, два, три — моя.

— Ишь ты какой хитрый, — сказал грачонок с белым пятнышком. — Обмануть меня хочешь. Я смотрел за тобой. Ты мне маленькими шажками мерил, а себе большими.

— Отмеряй тогда сам.

— И отмерю, — сказал грачонок с пятнышком и давай мерить. — Раз, два, три — на этой делянке ты ешь, а на этой я буду — ра-аз, два-а...

— Погоди-ка, погоди, — остановил его грачонок без пятнышка. — Что же это ты? Если мне, так по-советски шагал, а если себе — прыгать начал? У меня глаз острый, я все вижу.

И грачата поссорились. Отхлопали друг друга крыльями.

Сидят, тяжело дышат. Один из них, тот, что с белым пятнышком на лбу, и говорит:

— Раз мы не можем с тобой поделиться, давай так сделаем: сегодня ты будешь хозяином всего поля, а завтра — я. Сегодня я буду твоим гостем, а завтра — ты моим.

— Давай, — согласился было грачонок без пятнышка на лбу, но тут же спохватился: — Ну до чего же ты хитрый, а! К завтрашнему дню пашни в три раза больше станет, чем сейчас: трактор-то вон пашет, и, значит, твое поле будет в три раза больше моего. Так не пойдет.

И грачата опять поссорились. Нахлопали еще раз друг друга крыльями. Сидят, охают. Отдышались немного, один из них, тот, что без пятнышка, и говорит:

— Послушай, пусть это поле будет не нашим, а того самого тракториста, который сейчас пашет его, а мы у него пусть будем в гостях. И сегодня. И завтра. До тех пор, пока он пахать будет.

— На это я согласен, — сказал грачонок с белым пятнышком на лбу.

Тут же пристроились грачата позади трактора. Шли по свежей пахучей борозде. Выклевывали из теплой пашни червяков и говорили один другому:

— Хорошо быть гостем.

И угощали один другого:

— Ешь досыта. У тракториста вон поле большое какое, нам обоим хватит».

Закончил Вертихвост рассказывать свою сказку и стоит улыбается, смотрит на медведицу Авдотью, что скажет она. А медведица на него смотрит и ничего не говорит. Ей и так интересно глядеть на Вертихвоста. Она привыкла видеть его, когда он лает, а тут стоит Вертихвост на кургане и разговаривает спокойно, не рычит. Это же так интересно. И совсем не важно, что он говорит, главное — не лает.

Вертихвост стоит на кургане весь в лунном свете, а над головой у него горят звезды. Федотка подталкивал соседей, повизгивал:

— Слушайте, слушайте! Это же Вертихвост говорит, он у нас самый лучший пес во всей деревне.

— Помолчи, Федотка, — одернул его Вертихвост и дальше речь повел: — Вот тут Еж Иглыч о плутах вашей рощи рассказывал. У нас в Марьевке тоже есть свои плуты. Об одном из них я сейчас и расскажу вам.

Вертихвост встал поправее, плечи расправил, грудь вперед выставил, начал рассказывать:

«Повадился Волк на деревню ходить. Как придет, так обязательно козу или овцу к себе в рощу прихватит. И предложил тогда козел Яшка Барану:

— Давай, Бяша, Волка от нашей деревни отвадим. Соберемся ты да я, да остальных козлов да баранов кликнем. Встретим у околицы и выпустим из него дух.

— А если он из нас с тобой выпустит?

— Ну что ж, может и такое случиться. Зато уж после этого никого беспокоить не будет: остальные-то его додают.

Подумал Баран. Отказался:

— Мой двор Волк стороной обходит, не трогает меня, зачем же я рисковать буду.

Долго уговаривал его козел, но Баран как отрубил:

— Не пойду и точка. Вот если бы Волк ко мне пришел.

И пришел Волк. Сгреб Барана, взвалил на спину, понес в рощу к себе. Попытался было крикнуть Баран, козла Яшку на помощь позвать — горло перехвачено. Попробовал вырваться — да разве Волк для того брал, чтобы отпустить.

Всю жизнь Баран пешком по степи ходил, а в последний свой путь верхом на Волке ехал и думал: «Зря с козлом не пошел, может, Волк в свалке и не меня вовсе прижал бы, цел был бы, а то вот еду теперь...»

Привез его Волк в рощу и отдал волчатам:

— Вот Барана вам на ужин принес, завтра постараюсь еще добыть. Бараны на селе пока не перевелись».

Закончил Вертихвост рассказывать сказку, стоит и улыбается, смотрит на медведицу Авдотью: что скажет теперь она. А медведица и теперь ничего не говорит. Смотрит на Вертихвоста большими глазами удивленными: не лает Вертихвост! Не рычит! Удивительно!

И другие глядели на Вертихвоста с любопытством. А Федотка вертелся на бревнышке, повизгивал, ушами длинными взматывал, поворачивался во все стороны, говорил:

— Слушайте, слушайте! Это же Вертихвост говорит. Давай, Вертихвост, говори дальше.

И Вертихвост заговорил. Встряхнувшись, лапой за ухом поскреб и стал рассказывать свою третью сказку:

«Вы, конечно, знаете, что козел Яшка — самый почтенный козел у нас в деревне. Рога у Яшки высокие, лоб крепкий, и в больших черных глазах видна мудрость. Ходит Яшка важно, вперевалочку. Идет, бородой потряхивает, покашливает:

— Кха-кха!..

Козлята возле Яшки так и табунятся. Он идет, и они идут. Грудь — вперед, головы — кверху, копытцами — топ, топ. Каждому хочется взрослым козлом выглядеть. Бородками козлята потряхивают, покашливают:

— Кхе-кхе...

Поглядывают искоса, а так ли, как у Яшки, получается. Оглядывается на них Яшка, улыбается, детство свое вспоминает. Это ведь только теперь козел Яшка широкий да могучий, а было время — и он по селу безбородым козленком бегал. Правда, борода была, но какая — три волосинки. Не то что сейчас — во всю Яшкину грудь.

Глядел тогда Яшка-козленок на взрослых козлов, завидовал им: они уже выросли, козлами по селу ходят, а он все еще козлик, и никакой у него козьей осанки нет. А иметь ее Яшке так хотелось!

И стал тогда Яшка к старым козлам приглядываться, учиться у них. Видит: покашливают они, бородами потряхивают — значит, так надо. Давай и Яшка покашливать да бородой потряхивать:

— Кхе-кхе...

Рос, рос и вырос, козлом стал. Смотрит: совсем не обязательно бородой трясти, да уж не может не трясти — привык. И не может больше не покашливать —

тоже вошло в привычку. А козлята ходят за ним по селу, видят: трясет Яшка бородой, говорят друг дружке:

— Козел Яшка умный. Он зря бородой трясти не будет. Раз трясет он, значит, так надо. Значит, и нам нужно этому учиться.

И учатся. Ходят табуном за Яшкой, бородами потряхивают, покашливают. Хочется козлятам, чтобы, глядя на них, говорили все на селе:

— Смотрите, козлята-то наши уже выросли, козлами стали».

Досказал Вертихвост свою сказку и смотрит на медведицу Авдотью: может, она теперь что скажет. Но медведица и на этот раз промолчала. А Федотка поворачивался во все стороны, ушами длинными взматывал, повизгивал от счастья:

— Слышали? Слышали? Это Вертихвост говорил. Глядите на него, запоминайте его. А кто на кургане разглядеть не успеет, потом разглядите. Он вот здесь, возле меня сидеть будет.

На пеньке под березой плясал Мышонок. Медвежата хлопали в ладоши, подбадривали его:

— Давай, серенький, пляши.

Бобер Яшка сутулился на сучке березы, подергивал плечом, словно поправлял горб свой, ворчал:

— Что придумал, а! Скачет весь вечер. Весь вечер на виду, а на меня и не смотрит никто.

И горько, горько вздыхал.

ОБИДА МЕДВЕДИЦЫ АВДОТЫ

Дятел, Голубь и Дубонос
сдвинули головы.

— Ну, — сказал Дубонос, —
высказывайтесь. И глядел на Голубя с Дятлом умно-
умно. На этот раз те долго не спорили. Решили побла-
годарить Вертихвоста за веселые сказки. Дубонос при-
соединился к их решению и сказал важно:

— Вот именно — поблагодарить, а пирога не да-
вать. Зачем он ему? Вертихвост не раз пробовал пи-
рог с тыквой. Это ему не в диковину.

Вертихвост прошел и сел на место, а медведь Спи-
ридон позвонил в колокольчик:

— Ну, кто еще хочет познакомить нас со своими
сказками?

Под березой нетерпеливо заерзал медвежонок
Ивашка. Он заканчивал рассказывать самому себе
сказку о Голубе. Про Дубоноса и Дятла он уже при-
думал, теперь о Голубе придумывал. Додумает до кон-
ца, выйдет, расскажет и получит пирог. Вот это он
удивит всех. Тут над ним смеялись, а он выйдет и ут-
рет всем нос.

Сидел Ивашка под березой и рассказывал самому
себе:

«Лето Голубь провел у Лысой горы в дупле осоко-
ря над речкой, а на зиму к Черному морю улетел,
среди Крымских гор поселился. С Крымским Голу-
бом познакомился. Летает с ним, Крымский край на-
хваливает:

— Хорошо у тебя как: и море под боком и горы

рядом. У нас тоже гора есть, Лысой мы зовем ее. Но разве ее можно с твоими горами сравнить?

— Низкая?

— Да и низкая и вообще не такая... И речка у нас есть. Чагрой мы зовем ее. Но разве ее можно с твоей сравнить! Твоя вон как резво по камням скачет!

— А у вас что — тихая?

— Да и тихая и вообще не такая... И озеро у нас есть, но разве сравнишь его с твоим озером? Оно вон у тебя на горах, под самыми облаками лежит.

— А ваше что — в долине?

— В долине, да и вообще оно совсем не такое, как у тебя. И небо у тебя высоты неохватной, не то что в нашем краю.

И сказал тогда Крымский Голубь:

— Если тебе нравится так край мой, оставайся здесь навсегда. Будем жить рядом.

— Что ж, и останусь, — сказал наш Голубь и всю зиму летал над Крымскими горами и все нахваливал их. А как стало время к весне близиться, томиться начал, задумываться.

Спросил его как-то Крымский Голубь:

— О чем это ты все думаешь?

— О горе о Лысой, — ответил наш Голубь. — Поглядеть бы теперь, какая она. Вершинка-то ее отошла, поди, обесснежела.

— Так что же о ней думать? Ты же сам говорил, что вашу гору с нашими не сравнить.

— Я и сейчас говорю: разве ее можно с вашими сравнить. Такой горы нет больше нигде. Ты бы посмотрел, какие овраги прорезают ее! Они уж, наверное, водой набрались, заревут, гляди, скоро.

На другой день смотрит Крымский Голубь: опять о чем-то думает товарищ его. Спросил:

— О чем же ты теперь думаешь?

— Об озере нашем, — ответил наш Голубь. — Теперь уж в нем, гляди, лягушки оттаяли, голоса свои пробуют.

— Да что же о нем думать, — сказал Крымский Голубь. — Ты же сам говорил, что его не сравнить с нашим озером.

— Я и сейчас говорю: разве его можно сравнить с вашим озером? Да такого озера, как у нас, нигде не найти больше. Ты бы посмотрел, какие над ним ивы плакучие свешиваются, а какие кувшинки бывают летом! На их листьях по утрам лягушата на солнышке греются. Эх...

А через день смотрит Крымский Голубь, а товарищ его опять о чем-то думает.

— Ну, а теперь-то ты о чем думаешь? — спросил он его.

И услышал в ответ:

— О речке нашей. Теперь, гляди, по ней льдины плывут. Вышла речка из берегов и разлилась по огородам. А по вечерам у воды ребята костры жгут, поют песни.

И удивился Крымский Голубь:

— Да что же о пустом думать? Ты же сам говорил, что вашу речку с нашей не сравнить.

— Я и сейчас говорю: куда вашей речке до нашей. Наша вся черемухой заросла. Расцветет — белая, белая. А вода в ней чистая, с перезвонами. А какие осоки стоят по берегам — до самого неба. На одном из них я родился и вырос. Разве можно нашу речку с вашей сравнить?

И добавил, расправляя крылья:

— Полечу. К себе полечу. Пока доберусь, пора уж будет гнездо строить.

— Как?! Ты улетаешь? Но ты же сказал, что у нас навсегда останешься. Негоже от своего слова отказываться.

— Уж лучше от своего слова отказаться, чем от родного края, — сказал Голубь и поднялся в небо. Полетел в край, где и гора самая лучшая, и речка самая красивая, и осокори такой высоты, каких нигде больше на земле нет».

Сидел медвежонок под березой, рассказывал шепотом самому себе свою сказку, а медведь Спиридон спрашивал с макушки Маняшина кургана:

— Так кто же еще хочет испытать свое счастье?

С первого ряда приподнялся медведь Иван:

— Может, все-таки позвольте мне выступить?

— Но у тебя же всего одна сказка, дедушка Иван?

— Одна.

— А выступать надо с тремя. Ты же знаешь?

— Знаю.

— Так как же мы тебя с одной сказкой выпустим? Тогда и другие запросятся.

— А вы им не давайте слова, вот они и не запросятся. А мне дайте, я ведь вон какую даль шел. И назад идти буду. Да к тому же дома меня медведица дожидается.

— Ну что делать будем, братцы?

И посыпались голоса:

— Да пусть расскажет старик, жалко, что ли.

— А что? Верно, пусть расскажет. Неважно, что у него одна сказка. Может, она самая лучшая. Да и времени займет немного.

— Пусть расскажет, и сделаем перерыв, — сказала черепаха Кири-Бум.

— Ну что ж, выходи, дедушка Иван, рассказывай, — сказал медведь Спиридон.

Опираясь на посошок, медведь Иван взошел на макушку кургана, поглядел на сверток с пирогом, облизнул губы, подумал: «Уж дали бы мне, старику, его без всяких сказок». И вдруг встрепенулся, грудь

старенькую расправил, проскрипел чуть слышным изношенным голосишком:

— Слушайте мою сказку.

— Громче говори, дедушка Иван, — слышалось снизу.

А медведь Иван махнул лапой:

— Было время — громко говорил, а теперь говорю, как могу.

Постоял, покашлял.

И не торопясь повел рассказ свой:

«Вспомнила медведица Матрена, что она давно уже не навещала подругу свою — медведицу Авдотью. Собралась и пошла к ней. Слаба, говорят, Авдотья стала. Пока жива, проститься надо. Приоткрыла дверь в берлогу. Спросила:

— Можно к тебе, Авдотьюшка?

— Кто это здесь? — приподняла медведица Авдотья голову с подушки.

Глядит на Матрену и не узнает ее — совсем ослабела глазами. Видит — темнеется что-то у порога, а что — разобрать не может.

— Да кто же это? Поближе подойдите. Не разглядеть издали.

Подошла Матрена. Присела на пенек у кровати.

— Я это — Матрена. Подруга твоя.

— Чего? — приставила Авдотья лапу к уху.

— Здравствуй, говорю, Авдотьюшка.

— Чего?

И на ухо туга Авдотья стала. Кричит ей Матрена, во всю мочь медвежьё кричит, берлога даже шатается, а Авдотья чуть слышит.

— Что нового в роще? — спрашивает.

— Все новое, — кричит ей на ухо Матрена. — Брата женила. Сама замуж собираюсь.

— Чего? Погромче кричи. Не слышу.

— Замуж, говорю, собираюсь, — ревет на всю рощу Матрена.

— За кого же?

— Секрет.

— Чего?

— Секрет, говорю. Не разболтаешь?

— А когда я твои секреты выбалтывала?

— Это верно, — согласилась Матрена. — Никогда. За медведя Аввакума замуж иду.

— За кого?

— Медведь Аввакум на мне женится.

— А он что ж, свататься приходил?

— Нет пока, но жду. Намекал в прошлую субботу. Скучно, говорит, одному жить. Ну я и поняла его. Готовлюсь к свадьбе. Только ты не говори никому.

— Кому говорить, — вздохнула Авдотья, — ко мне-то ведь и не ходит никто.

— Ну, будь здорова, Авдотьюшка, — поднялась медведица Матрена, а медведица Авдотья приложила лапу к уху, кричит:

— Чего?

— Прощай, говорю, домой пора. Вдруг придет Аввакум свататься, а меня нет. Где, скажет, была? Обида может выйти. Пойду я.

И пошла.

А на другой день все уже в роще знали, что медведь Аввакум женится на медведице Матрене. И пошли к медведю звери со всех концов рощи.

— Поздравляем тебя, Аввакум. Говорят, женишься ты. Медведицу Матрену в жены берешь. Что ж, медведица она хорошая.

— Кто вам сказал? — взревел медведь Аввакум. — Вы поглядите на меня, какой из меня жених.

Стар я для женитьбы. Хожу чуть. Я уж одной ногой в могиле стою.

— Не знаем, но Матрена к свадьбе готовится. К Авдотье ходила, радостью с ней делилась: замуж, говорит, за медведя Аввакума выхожу.

Одни уходили, другие приходили. Покоя не стало медведю Аввакуму, в пору хоть берлогу меняй. Встретил он медведицу Матрену у речки и высказал ей обиду:

— Зачем ты, Матрена, сплетню обо мне плетешь? Когда это я на тебе жениться собирался? Да и какие мы с тобой жених с невестой. Нам уж с тобой о смерти, а не о свадьбе думать надо.

Со стыда сгорела медведица Матрена. Пришла к Авдотье и ну выговаривать ей:

— Ты зачем секрет мой выдала?

— Чего? — кричит Авдотья.

— Зачем, говорю, секрет мой выдала? — ревет ей на ухо Матрена, а берлога дрожмя дрожит, и слышно, как далеко по роще эхо катится и повторяет Матренины слова:

«...Секрет мой выдала?»

— Да чего ты меня за плечи-то трясешь? — отстранилась от Матрены Авдотья. — Никому я секретов твоих не выдавала.

И по выцветшим глазам ее видела Матрена: правду говорит Авдотья.

— Кто же тогда выдал его?

— Чего?

— Кто секрет мой выдал, говорю? — рывкнула на ухо Авдотье медведица Матрена, и слышно стало: катится по роще эхо, несет голос Матрены:

«Кто секрет мой выдал?»

— Откуда мне знать, — сказала Авдотья. — Не был у меня никто. Я никому не говорила.

Лежала медведица Авдотья в постели, сидела воз-

ле нее Матрена, и думали они об одном и том же: кто все-таки выдал секрет».

Последние слова медведя Ивана уже никто не слышал — все смеялись. Медведица Авдотья моргала подслеповатыми глазками, не понимала: почему это все на нее смотрят и смеются. И почему Матрена такая грустная стала. Толкнула подругу в плечо:

— Что он сказал, Матренушка?

И закричала ей в ответ медведица Матрена:

— Он сказал, что ты глухая тетеря.

— Он сам пень старый! — возмутилась медведица Авдотья.

И опять все схватились за животы. А Бурундучок сутулился на сосне, глядел на всех хмуро и пожимал плечами:

— И чего смеются? Ведь не смешно же, совсем не смешно.

В четвертом ряду ворчал медведь Михайло:

— Сколько шуму подняли из-за одного пирога с тыквой. Ну было бы их хотя бы пять.

На горькой осине горько вздохнула Сорока:

— Эх!

И даже прослезилась: такое творится вокруг, а никому не расскажешь — все это и без нее видят. И махнула крылом:

— Да что же это я сама себя мучаю? Если-некому все это рассказать, то и слушать незачем.

И улетела домой.

Волк Рыжий Загрибок кусал когти, не обращал никакого внимания на то, что творится вокруг. Думал, как ему от суда избавиться. Ведь засудят теперь его, изгонят из родной рощи.

Медведь Иван все стоял и горбился на кургане, глядел на сверток с пирогом и облизывал губы. Медведь Спиридон положил ему на плечо лапу, сказал хрипло:

— Слезай, дед Иван, с кургана. Не будет тебе пирога.

— Это почему же?

— Потому что ты обидел старую больную медведицу, перед всеми ее на смех поднял. Нехорошо это. Черепаха Кири-Бум подняла лапу и объявила:

— Перерыв.

ПОУЖИНАЛА И ЛИСА

В перерыве все занялись едой. Медведица Матрена кормила своих медвежат под березой. Приглаживала Мишуку волосы на голове, говорила:

— Ешь, мой маленький. Скоро ты у меня вырастешь, медведем будешь.

Здесь же под березой кормила своего Мышонка серенькая Мышка. Проплясал он на пенечке, ел с аппетитом. Мышка глядела на него, думала:

«Я своего сына тоже маленьким зову. Он у меня тоже скоро вырастет, но по-прежнему будет маленьким. Может, побольше меня, но все равно меньше медведя, а ведь оба сейчас маленькие».

Все были заняты едой. Не ел барсук Филька. Он поел, пока Еж с Вертихвостом сказки рассказывали. Не ел и медведь Михайло: из дома он ничего не принес, думал поужинать пирогом, а пирога ему не дали. Ходил хмурый вокруг кургана, и хмурыми были у него думы:

«Зря я не поужинал, — думал медведь Михайло. — Если бы присудили мне за сказки пирог, и ему

бы место нашлось в животе. Он у меня вон большой какой, а то вот ходи теперь голодный. И зря присоветовал завернуть пирог в газету. Хоть бы духом его надышался теперь, на румянность его нагладелся досыта. Эх, вечер сплошных ошибок».

Медведь Иван тоже не ел. Пирога ему не дали, а ужина у него припасено не было. Потоптался он у кургана и пошел себе потихонечку в Ясеновый лес. Шел, выщупывал посошком тропу, шамкал беззубым ртом:

— Может, и впрямь зря я обидел Авдотью? Но ведь у меня другой сказки не было, а пирога с тыквой так хотелось попробовать. И все-таки, может, и за пирог с тыквой нельзя обижать никого, а?

И уходя все дальше и дальше, не знал, что самому себе ответить. Луна была у него позади, и потому впереди медведя Ивана шла его худенькая, сгорбленная тень.

Не ела и Лиса. Поесть ей хотелось, но поесть было нечего. Все чего-нибудь да прихватили с собой из дому, а она порожняком пришла. Шла, думала: «Зачем мне нести? Другие принесут, со мной поделаются, я и сыта буду».

Но делиться с Лисой никто не собирался. Попросила у медведицы Матрены, та рывкнула на нее:

— Не маленькая попрошайничать.

У Мышки и просить не стала. Что у нее за ужин. Принесла, гляди, три зернышка на двоих с сыном, да и то думает, как бы одно на завтрак сохранить.

Попыталась было к волку подластиться. У волка на ужин была баранина. Волк ел молча, ни на кого не глядел. Волк готовился защищать себя. Нельзя допустить, чтобы его судили из-за каких-то длинных зайцев. Нужно показать всем, что зайцы — народ негодный, вредный, потому волк и душит их.

Волк придумывал сказки о вредности зайцев.

И когда Лиса, чтобы как-то заговорить с ним, спросила:

— Почему меня собаки на селе кусают, а на тебя только лают?

Ответил мрачно:

— Потому что они боятся, как бы я их сам не укусил.

И показал Лисе крупные белые зубы.

И не захотелось Лисе больше ни о чем спрашивать у волка. Походила она, походила и поняла, что сегодня ей придется провести вечер без ужина. И чтобы никто не подтрунивал над ней, что у нее нет ничего, завернула Лиса в лопух камень и сунула под мышку.

— Пусть думают, что у меня есть что поесть, но я не ем потому, что не хочу.

Черепаша Кири-Бум тоже не ела. Она поела дома, есть ей не хотелось. Ей хотелось за кустик, но она не знала, кого попросить покараулить сверток с пирогом, рядом никого не было.

Тут-то и попалась ей на глаза Лиса.

— Ты что не ужинаешь? — спросила ее черепаха.

— Я дома поужинала.

— А что у тебя под мышкой?

— Еще один ужин. Если долго засидимся, поем. Я не люблю томить себя голодом.

— Так ты совсем не хочешь есть?

— Не хочу.

— И делать тебе нечего?

— А что же в перерыв делать? Рассказывали бы сказки, я бы слушала. Я люблю сказки слушать. А так вот хожу пока, гляжу, кто чем занят.

И сказала Лисе черепаха:

— Милая, посиди у пенечка. Покарауль пирог, я отлучусь на минутку.

У Лисы дрогнуло от счастья сердце. Обрадовалась Лиса случаю, но вида не подала.

Сказала, отворачиваясь:

— Нет. Зачем мне это? Мне походить хочется.

И пошла было, но черепаха остановила ее:

— Выручи, милая. Я быстро... Я перед тобой в долгу не останусь.

— Ладно уж, иди, — согласилась Лиса. — Так уж и быть, выручу тебя, посижу.

И села у пенька.

А черепаха Кири-Бум — топ-топ, — пошагала по делам своим. Но ведь известно, как черепахи ходят — черепашьими шагами. Пока ходила черепаха, успела Лиса пирог себе в лопух переложить, а камень в газету завернуть. А когда появилась черепаха, сказала ей:

— Ну ты и ходишь. Тебя только за смертью посылать. Досыта наживешься, пока приведешь ты ее.

И умчалась поскорее со своим свертком в чащу. Там она спряталась за кустик волчьего лыка, съела украденный пирог и сухо-насухо вытерла лопухом тонкие вымазанные тыквой губы.

Лиса была спокойна.

Она все продумала и точно знала, что ей дальше делать. Кончится перерыв, расскажет она три сказки, получит газету с камнем, пойдет и бросит его в Косой овраг.

— А что в газете уже не пирог, а камень, это навсегда останется тайной, — сказала сама себе Лиса и стала думать, о чем рассказать ей.

Сказок у нее пока не было.

Увидела — упала с сосны шишка.

Сказала:

— Можно вот о ней рассказать, как она упала.

Увидела Мышонка на пенечке.

Сказала:

— О нем тоже можно рассказать что-нибудь.

Подумала и добавила:

— Было бы желание говорить, а о чем сказать всегда можно найти. А говорить желание у меня теперь есть.

Уверенная в себе возвратилась к кургану.

ОНА ХОТЕЛА КАК ЛУЧШЕ

Медведь Спиридон посмотрел на звезды и решил, что пора кончать перерыв. Он поднялся на макушку кургана и позвонил в колокольчик:

— Рассаживайтесь, будем продолжать.

Впереди всех на траве уселись Тушканчик, Ящерица и Хомяк. До перерыва их не было. Они появились совсем недавно. И все о чем-то шушукались между собой, спорили. Тушканчик что-то доказывал Хомяку, покачивал лапками, а тот помахивал головой.

Бурчал:

— Нет. Я не согласен.

— Я тоже не согласна, — говорила Ящерица и поглаживала на груди зеленое платице.

Она даже приподнялась, повернулась, чтобы ее видели все, но Хомяк одернул ее:

— Сиди.

И Ящерица села.

В другой бы день она и глазом бы не повела в его

сторону, не то чтобы разговаривать с ним. Но сегодня нельзя было Хомяка послушаться — они пришли из степи втроем. У них на троих — три сказки. Ящерица хочет, чтобы Тушканчик с Хомяком доверили ей рассказать их. На Ящерице сегодня новое платьице, и ей хочется его показать всем.

— Вот так и сиди спокойно, — буркнул Хомяк и сложил на животе лапки и для солидности надул щеки. Очень Хомяку хотелось казаться солидным.

А медведь Спиридон звонил в колокольчик:

— Тише.

И, вытягивая шею, басил:

— Продолжаем наш конкурс. Кто хочет начать его после перерыва?

И посмотрел на медвежонка Ивашку.

Медвежонок вздохнул и опустил голову. В перерыве он узнал, что о Дятле, Дубоносе и Голубе сказки рассказывать нельзя — не положено. Они избраны оценивать сказки о других, но не о себе. А о других у Ивашки сказок не было, и он горько переживал свой промах.

«Надо же, а! Пропали три такие сказки», — горевал под березой Ивашка. Сейчас бы он вышел, рассказал и спустился бы вниз уже с пирогом, потому что нет ни у кого таких сказок. Ивашка чувствовал себя ограбленным, ему нечего было рассказывать, зато Лиса поднялась со своего места и полезла на макушку кургана.

— Куда это ты? — спросил у нее медведь Спиридон.

— Как куда? Ты же сам сказал: кто хочет рассказывать сказки. Вот я и иду.

— Так я же тебе слова не давал.

— Дашь. Всем давал и мне не откажешь.

— Отказать-то не откажу, но вон и бобер подни-

мает лапу. Надо еще подумать, кому из вас первому давать.

— Мне, конечно, — сказала Лиса. — Бобер и подождать может. Ему спешить некуда.

— А у тебя что, горит?

— Если стою возле тебя на этом кургане, значит, горит. Давай мне слово.

Медведь Спиридон покачал головой и объявил:

— Сказки рассказывает Лиса. Прошу слушать.

Лиса поглядела на черепаху, на газету с камнем и заговорила звонко, бодро, как будто она и не воровала сегодня ничего.

— Тут Еж Иглыч обо мне рассказывал, и вы все смеялись. Я бы тоже могла рассказать о нем кое-что, посмешить вас. Но зачем? Разве мы собрались сюда, чтобы смеяться друг над другом? Эх, у каждого из нас только одна жизнь. Так зачем же нам ее насмешками портить? Зачем, я спрашиваю? Что главное в жизни? Чтобы тебя любили. Верно я говорю?

— Верно, да не совсем, — сказал медведь Лаврентий. — Главное в жизни — любить других, делать для них что-то доброе.

Не это хотела сказать Лиса, но ведь спорить с медведем не будешь. Замахала она лапой:

— Да, да, когда делают тебе что-то доброе — это хорошо. Доброта согревает нас. И я надеюсь, что вы по-доброму встретите мои сказки. Послушайте их. Они очень интересные. Первая моя сказка про муравья.

И стала рассказывать:

«Полез Муравей на дерево. Сорвался. Шлепнулся. Схватился за бока. Заохал:

— Эх, вот это да!

— Ну вот, — сказал ему товарищ. — Не карабкался бы — и не сорвался.

— А кто не карабкается, тот и вершин не дости-

гает, — ответил Муравей и, охая, снова полез на дерево...».

— Интересно, правда? — моргнула Лиса.

Потопталась на кургане. Заговорила бойко:

— А вторая моя сказка про еловую шишку.

Но из-под березы закричал Мишук, сын медведицы Матрены:

— Как! И уже все?

— А чего ж еще надо? Главное сказано: и полез на дерево.

— Ну а дальше-то что?

— Как что? Раз полез, значит, залезет. Вот ты если растешь, значит, вырастешь, большим станешь.

— Не все и большое хорошее, — подала голос медведица Матрена. — Болото у нас вон большое какое, да мы говорим: лучше бы оно поменьше было.

— Это не пример, — встал на защиту Лисы медведь Тяжелая Лапа.

Правда, Лисья сказка ему тоже не нравилась, но он защищал ее. Последнее время медведь частенько у нее в гостях бывает. И завтра зайти обещался. Выиграет Лиса пирог, будет чем угоститься.

И медведь Тяжелая Лапа говорил твердо:

— Болото не пример. Мы о живом речь ведем.

— Можно и о живом, — не отступала медведица Матрена. — О тебе, например. Был ты маленьким — маленьким охальником был, не было от тебя медвежатам проходу. Теперь ты вон каким большим стал, и беды от тебя стало больше. Так и глядишь, кому бы навредить.

— Но-но, — загрозились было медведь Тяжелая Лапа но медведь Спиридон осадил его.

— Сядь, чего лапами-то машешь. Правильно Матрена говорит: вырасти — это еще не самое главное. А вот каким вырасти — вот это да! То же и со сказ-

кой твоей, Лиса. Забраться на дерево — не велик подвиг. Ворона с утра до вечера на дереве сидит, да все Вороной остается. Нужно было сказать, зачем твой Муравей на дерево полез.

— Верно, это я упустила, — согласилась Лиса, чтобы медведя задобрить. — Но это же хорошо, что сказка вызвала спор. Значит, есть в ней настоящее зерно.

— Есть, да в мусоре, — опять крикнула медведица Матрена.

А Лиса поскорее начала рассказывать вторую сказку:

«Отделилась от ели Шишка и полетела на землю.

«Ну, — думает, — долго лететь буду».

Ан смотрит — вот она уже, земля-то. Воскликнула:

— Ой, как близко!

Но посмотрела вверх, подумала: «Нет, не забраться мне теперь на ель».

И вздохнула:

— Ах, как далеко!

И радостно ей стало: какой большой путь она проделала и за такое короткое время...»

— Интересно, правда? — моргнула Лиса.

Потопталась на кургане и бойко объявила:

— Ну, а третья моя сказка о Мышонке.

Под березой завозились и закричали медвежата:

— Как! И эта уже вся?

— А чего ж вам еще? — спросила Лиса. — Главное сказано: большой путь проделала.

— Это что ж по-твоему, шлепнуться с дерева — проделать большой путь? — спросила медведица Матрена. — Вы только послушайте, что она говорит! Упасть с дерева — проделать большой путь. Да завтра все наши медвежата начнут с дерева прыгать, покалечатся.

Медведю Тяжелая Лапа тоже не нравилась Лисья сказка. Но своих сказок у него не было, а попробовать пирога с тыквой хотелось. И он знал, что если получит Лиса пирог, то и он есть будет. Потому и кричал, привскакивая с места:

— Зря, хорошая же сказка. Только ее понять надо. Вот я понял. Очень хорошая сказка, со смыслом: к путешествиям зовет. А ведь чем мы больше ходим, тем больше видим. Ну, а если упал ты, не беда. В пути иногда падают.

И рубанул лапой воздух:

— Это сказка о сильных! О тех, кто хоть и падает, но не сдается, продолжает идти. Такую сказку понимать надо. У таких сказок надо внутри смысл искать.

Лиса обрадовалась поддержке медведя.

— Вот видите, и эта моя сказка вызвала спор. Значит, умная она, за живое берет.

Но чтобы страсти не разгорались, начала поскорее рассказывать свою третью сказку:

«Зазевался в весенний разлив Мышонок на льдине и не заметил, как она от берега отделилась. Хватился, а уж он плывет по Волге. Хотел на берег прыгнуть, да видит — поздно, далеко до берега уже.

И махнул тогда Мышонок лапкой:

— Эх, — говорит, — большому кораблю — большое и плавание.

И поплыл в Каспийское море».

— Интересно, правда? — моргнула Лиса.

Потопталась на кургане, добавила:

— И смешно, правда?

А медведица Матрена закричала с заднего ряда:

— Как! Уже смеяться надо?

— Не только смеяться, — сказала Лиса, — но и пирог дарить.

Тут уж не сдержался медведь Михайло.

— Вы посмотрите на нее! Какова, а! Рассказала три фитюльки, и давай ей за них пирог с тыквой.

— А ты как думал? Слушали мои сказки? Слушали. Давайте пирог.

— Да какие же это сказки? Из десяти слов.

— И у тебя не длиннее были, — огрызнулась Лиса и поглядела на медведя Тяжелая Лапа.

И тот сейчас же закричал с места:

— Зря хаеете. Хорошие же сказки. За душу берут. Просто их понимать надо. Давайте еще раз послушаем. Вы знаете, я такие сказки готов долго слушать: смысл в них глубокий заложен.

— Вот видите, — сказала Лиса, — нравятся мои сказки тем, кто умеет понимать их. Мои сказки на понимающих рассчитаны. Они у меня очень глубокие. Глубже даже самой большой глубины.

Лиса была твердой.

Лиса была настойчивой. Да она и не могла иначе: пирог она уже съела, и теперь ей нужно было во что бы то ни стало получить газету с камнем и закинуть в овраг, чтобы навсегда осталось тайной, чем она сегодня в перерыв поужинала.

И все-таки пирог ей не присудили.

— Не за что, — сказал Дятел.

Голубь собирался было сказать: «Давайте подумаем», — но увидел, с каким серьезным видом сидит Дубонос, сказал торопливо:

— Не за что.

И Дубонос важно объявил:

— Нет тебе, Лиса, пирога. Мы так решили.

И пришлось Лисе сойти с кургана.

— Ну что ж, — сказала она, пробираясь к своему месту. — Я хотела как лучше. Вы решили иначе — дело ваше.

На пенечке прыгал и пищал Мышонок:

— Вот и Лисе не дали пирога. Никому не дадут, мне достанется.

СОСЕД БОБРА ПАВЛУШКИ

Вокруг все шумели, потешались над Лисой, а медведь Спиридон звонил в колоколь-

чик и ждал тишины.

На траве перед первым рядом спорили Тушканчик, Хомяк и Ящерица. У них на троих — три сказки. Они объединились и теперь решали, кому идти рассказывать их.

— Давайте я пойду, — предложила Ящерица.

И привстала, повернулась, чтобы видели все, как играет на ней красками новое платье.

— Нет, — буркнул Хомяк. — Голос у тебя тихий. Не расслышат, о чем говорить будешь. Пропадут ни за что сказки.

И надул для солидности щеки.

— Верно, — согласился Тушканчик. — Нельзя, чтобы наши сказки пропали. Я пойду рассказывать их. Голос у меня звонкий.

Но Хомяк и ему сказал:

— Нет.

Тушканчика он знает недавно и не доверял ему: получит пирог и ускачет. Ищи его потом в широкой степи. И Хомяк еще раз сказал глухо:

— Нет.

— Верно, — поддержала Хомяка Ящерица. —

Тебе, Тушканчик, выступать нельзя. Вид у тебя больно неподходящий. И привычка дурная — лапки у груди держать. Еще подумают, что ты пирог выпрашиваешь, как Лиса, христарадничаешь.

— Во-во, — пробурчал Хомяк. — Еще опозоришь нас.

Так сидели они на травке и решали, кому идти рассказывать, а на макушке кургана уже стоял бобер. Его мало кто знал, и поэтому медведь Спиридон спросил:

— Тебя как зовут?

Бобер оправил свою шикарную бобровую шубу, сказал:

— Павлушкой.

И медведь Спиридон объявил громко:

— Сказки рассказывает бобер Павлушка.

Бобер начал не сразу. Постоял, побряхтел, оправил шубу бобровую. Слушателей было много, и он смущался. Голос у него был глухой, брови были сдвинуты.

— Есть у меня сосед, Серегой зовут его. Вы, может быть, его знаете. У него плешина вот здесь на макушке. Он, Серега, ничего сосед, добрый, с ним жить можно, но больно хвастать любит. Я для него свои сказки приготовил, а он услышал, что я о нем говорить собираюсь, и не пришел. А я всё равно расскажу их. Слушайте мою первую сказку.

«Валили бобры осинки в роще и сплавляли по протоке к хаткам своим, к зиме готовились. И попалась тут бобру Сереге осинка крепости необыкновенной. Погрыз он ее, сказал:

— Не могу больше.

Бобер Яшка грызть начал, но и он вскоре отступил. Пять бобров ее грызли и все никак повалить не могли.

И подковыдлал тут к бобру Сереге сынишка его, говорит:

— Дай мне попробовать.

Засмеялись бобры.

— Куда тебе. У тебя, поди, и зубы-то еще не прорезались. Мы вон ее сообща валили, не свалили.

А Бобренок просил:

— Дайте попробовать.

И тут словно дернул меня за язык кто:

— Да пусть, — говорю, — попробует, жалко, что ли. Хоть помусолит и то доволен будет.

Обошел Бобренок осинку, осмотрел со всех сторон. Здорово потрудились над ней бобры, до самой сердцевины добрались, а все еще стоит осинка, может быть, его, Бобренка, дожидается.

И точно: раз Бобренок провел по пахучему срезу зубишками, два. И повалилась осинка.

И ахнули тут все:

— Вот это зубы! Пятеро бобров грызли — перегрызть не могли, а он два раза грызнул, и лежит осинка.

И повел Серега сына по запруде от хатки к хатке.

— Посмотрите, — говорит, — какие зубы у моего сына. Мы впятером резали осинку, срезать не могли, а он враз подсек ее. Вот это зубы! Покажи, сынок.

Бобренок показывал, и Серега вел его дальше. Ко мне четыре раза приходил с ним».

Этими словами закончил бобер Павлушка свою сказку, и все согласились с ним, что хвастать отцу зубами сына — это не дело.

— Плохо, когда сосед тебе надоедает, — стал было пояснять бобер, но медведь Спиридон остановил его:

— Говори дальше, Павлушка. Мы ведь и по сказкам пойдем, что ты нам сказать хочешь.

— Я знаю, что поймете, но ведь — сосед. С ним всю жизнь рядом быть, а он, Серега-то, даже сказки мои слушать не пришел. Но я все равно говорить буду. Слушайте мою вторую сказку:

«Жил на озере бобер Серега. Был у него домик, и в домике все было. И вот приходит к нему как-то сосед его, бобер Павлушка, а дело зимой было, приходит и говорит:

— У тебя там не найдется пожевать чего? У себя я подобрал все, а в рощу не выйдешь: снегу навалило — не пройти.

Дал Серега осинку Павлушке. Спросил только:

— Когда отдашь?

— Когда добуду, — сказал Павлушка и унес осинку к себе.

А Серега ходил после этого по знакомым и говорил всем:

— Мне Павлушка осинку должен.

Весной Павлушка забыл про долг свой. Не вспомнил о нем и осенью, а зимой постучался к нему Серега и спросил:

— Ну, когда должок отдавать будешь?

И схватился Павлушка за голову:

— Как же это я забыть мог. И отдавать сейчас нечего. Может, ты еще подождешь немного?

— Что ж, могу и подождать, — сказал Серега.

И ходил он опять по знакомым и говорил всем:

— А сосед-то мой, Павлушка, все еще должен осинку мне.

Все уже знали, что Павлушка Сереге осинку должен. И спрашивали при встрече:

— Не отдал?

— Пока нет, — вздыхал Серега, и все ему сочувствовали.

И Сереге было приятно, что ему сочувствуют. Зато соседу его, бобру Павлушке, покоя не было. Кто ни встретит, обязательно спросит:

— Не отдал ты еще соседу долг свой?

— Пока нет, — говорил Павлушка.

И все качали головами:

— Да-а.

И Павлушке было стыдно. И не выдержал он однажды, отобрал у детей последнюю осинку и отнес Сереге.

И поскучилась сразу у бобра Сереги жизнь, незачем стало ему ходить по соседям, не о чем стало говорить с ними при встрече. Худеть даже Серега от тоски начал. Опостылело ему все. Взял он осинку и пошел к Павлушке.

— Может, ты подождешь пока отдавать ее мне.

И такими он печальными глазами глядел на соседа, что тому даже жалко его стало.

— Что ж, — говорит, — ты долго ждал, пока я отдам тебе. Могу и я подождать отдавать тебе.

И принял назад от Сереги осинку. И ходит теперь Серега по знакомым и говорит всем:

— А сосед-то мой, Павлушка, все еще должен мне осинку.

И чувствует себя счастливым».

Этимися словами закончил бобер свою сказку и спросил:

— А теперь скажите: разве так настоящие соседи делают? Дал тебе осинку и славит тебя на всю округу.

— Но ты тоже хорош, голубчик, — прошуршал колючками Еж Иглыч. — Взять взял, а не отдаешь.

Бобер покашлял, побряхтел, шубу бобровую поправил, сказал:

— Я не о себе, о соседе речь веду. Донял он меня, спасу нет. О нем и моя третья сказка.

— Что? Опять о Сереге? — крикнул медведь Михайло. — Давай еще о ком-нибудь.

— О ком знаю, о том и говорю, а ты сиди и слушай. Я же тебя не перебивал.

Заяц оглянулся на медведя, хихикнул, но тут же скукожился и прикрыл уши ладошками.

А бобер говорил, побряхтывая:

— О Сереге моя и третья сказка. Послушайте ее.

«Задумали бобры перегородить речку плотиной и пошли в рощу осинки валить. Бобер Серега со всеми вместе пошел. Выбрал самую толстую осину и стал подрезать ее.

Поглядел на него бобер Павлушка, посоветовал:

— Потоньше выбери. С этой тебе не справиться.

— Много ты смыслишь, — отмахнулся от него бобер Серега и знай себе сидит возле осины, подрезает ее.

Решил принести самую большую, чтобы лежала она в плотине самая заметная и чтобы все говорили о ней:

— Это осина бобра Сереги.

Отнесли бобры к речке по одной осинке, еще пришли, а Серега все подрезает свою.

Отнесли бобры еще по осинке и еще пришли, а Серега все потеет возле своей, все еще никак повалить не может. Думает о товарищах:

«Пусть носят. Осинки у них тоненькие, смешаются в плотине, и не отличишь потом, где чья. А моя осина видная, ее ни с чьей не спутаешь. Она вон какая».

Долго резал бобер Серега свою осину. Подрезал наконец, повалил. Очистил от сучьев, потащил к речке... да не тут-то было: дернул, а осина ни с места. Топчет-ся возле нее бобер Серега, пыхтит. И за толкий конец потянет, и за толстый. Лапы ободрал, грудь оцарапал — не тащится осина да и только.

А товарищи его все носят и носят к речке осинки. Нанесли, сколько надо было, и построили плотину. Ходит по ней бобер Серега, говорит:

— Ну вот, все осинки одинаковые. Отгадай, где чья. А вот если бы я свою принес, она бы сразу всем в глаза бросалась, потому что вон огромная какая.

Но осина его и сейчас у всех на виду. Где повалил ее бобер Серега, там она и лежит. И когда случается бобрам проходить мимо нее, говорят они с улыбкой:

— Это осина бобра Сереги».

— Ну вот и все мои сказки, — сказал бобер. — А теперь решайте, хорошие они или нет.

Дятел, Голубь и Дубонос сдвинули умные головы, совет повели — давать бобру за его сказки пирог или нет. Бобер стоял на макушке кургана, покашлял и то и дело поправлял свою бобровую шубу.

ПРОСЧИТАЛИСЬ

Дятел, Голубь и Дубонос сказки бобра признали хорошими и допустили его к участию во втором туре.

Бобер был доволен.

У него была в запасе еще одна сказка про соседа, и он надеялся, что к тому времени, когда нужно будет рассказывать ее, сосед все-таки придет и хоть одну да услышит о себе сказку.

Бобер спускался с кургана, а Мышонок прыгал на пенечке под березой, хлопал в ладоши и пищал:

— Ха-ха! И бобру пирога не дали. Никому не дадут, мне достанется.

Над ним смеялись, подбадривали его:

— Давай, Серый, пляши!

А на березе бобер Яшка умирал от зависти и скрипел зубами:

— Что придумал! На пеньке плясать.

И чтобы хоть немного облегчить обиду свою, два раза зло укусил сук.

На голову медведя Тяжелая Лапа посыпалась березовая стружка.

Медведь озлился.

Громыхнул могучим голосищем:

— Не сори, Яшка. И не грызи сук, на котором сидишь.

Сыпалась стружка и на медвежонка Ивашку, но он не замечал этого. Ивашка все-таки решил участвовать в конкурсе и сочинял новые сказки. Он глядел в одну точку, помахивал лапой и шевелил тонкими губами.

Черепаша Кири-Бум сидела на пеньке, поглядывала на всех маленькими улыбочивыми глазками и похлопывала ладошкой по газетному свертку.

Приговаривала:

— А это сегодня кто-то получит.

— Мы, может, — прошептала Ящерица Хомяку и Тушканчику.

— Получим, если вы мне доверите выступить, — так же шепотом сказал Тушканчик.

— Нет, — буркнул Хомяк. — Сказки рассказывать буду я. Вы оба несерьезные. А тут серьезность нужна и солидность.

И важно надул щеки.

Тушканчик считал, что его сказка лучше всех, и поэтому рассказывать должен он.

Потому и сказал Хомяку Тушканчик:

— Я тебе мою сказку рассказывать не позволю. Ты ее не расскажешь так, как надо, чтобы она всех за душу тронула.

— А ты, Ящерица? — спросил Хомяк.

— Пожалуйста, если ты скажешь, что мою сказку сочинила я. Я хочу, чтобы это знали все.

— Это можно, — буркнул Хомяк и повернулся к Тушканчику. — Значит — нет? Отделяешься от нас?

Тушканчик промолчал. Хомяк насупился, зафыркал:

— Ну и сиди тогда со своей сказкой. Нам с Ящерицей и за две могут пирог присудить, а тебе за одну никогда.

И он поднялся и пошел на макушку кургана. Встал, поглядел на медведя Спиридона, сказал:

— Я имею слово. Слушайте мою сказку.

В дальних рядах засмеялись: слово не давали, а он заговорил. Но Хомяк не обратил на это внимание. Он рассказывал:

«На пригорке, весь в беленьких парашютиках, подрагивал на ночном ветерке Одуванчик. Над ним среди звезд, сидя на облаках, плыла куда-то Луна. Одуванчик крикнул ей снизу:

— Ты куда это собралась, Луна?

— В страну света, — ответила она ему. — Я хочу стать яркой, как солнце, и такой же теплой. Жди меня, я скоро взойду с востока.

Она опустилась за горизонт, и туда же, за горизонт, потекли с земли серые сумерки. Небо посветлело, и в нем, светлом, угасли звезды. Вышла из-за горизонта с восточной стороны зорька и сказала:

— Сейчас взойдет солнце.

Одуванчик был уверен, что это будет Луна. Она захотела стать солнцем и стала им. Наверное, в стране света, куда она ушла, каждый может стать солнцем, если захочет. А почему бы и ему не попытаться? И Одуванчик воскликнул, встряхивая пушистой головкой:

— Неси меня, Ветер, в страну света. Я тоже хочу стать солнцем.

— Хорошо, — согласился Ветер, — только ты закрой глаза, потому что в этой стране очень ярко, и ты можешь ослепнуть.

Одуванчик сделал так, как велел Ветер, и тут же почувствовал, что поднимается кверху. Через минуту он уже думал: «Я, наверное, лечу уже под самым небом. Еще мгновение, и я его коснусь.

Потом он приземлился, уверенный, что ветер при-

нес его в страну света, и стал ждать, когда его начнут превращать в солнце.

Был дождь. Много дождей. Кто-то ходил поблизости, блеял по-овечьи и щипал пожухлую травку. Кто-то наступил на его семечко-сердце и вдавил в землю. Но даже и в эту страшную минуту Одуванчик помнил завет Ветра — не смотреть.

«Наверное, так надо», — подумал Одуванчик, криясь от боли.

Зима прикрыла его вскоре высокими снегами, и он заснул.

Проснулся Одуванчик уже весной. Проснулся от подозрительного шороха и бульканья. Прислушался и понял, что это шуршит, оседая, снег, а булькают, пробираясь к оврагу, ручейки. Они спешат, подгоняют друг друга:

— Скорее, скорее! Как бы не опоздать...

Снега уходили, солнца становилось больше. Одуванчик отогрелся, пустил в землю белый волосок корня и стал расти.

«Наверное, теперь мне уже можно смотреть», — подумал Одуванчик и раскрыл свой желтенький глазок. От желтого сердечка во все стороны брызнули лепестки-лучики.

К нему сбежались ребятишки и кто-то крикнул:

— Смотрите, он похож на солнышко.

Одуванчик смотрел на них снизу вверх и улыбался. Ему хотелось сказать им: «Каждый может стать маленьким солнцем, если отправится в страну света...» Но он не знал, как ребятам сказать об этом. И потому он молча глядел на них и улыбался».

Хомяк кончил рассказывать, закрыл маленькие глазки, перевел дух. В заднем ряду вздохнула медведица Матрена:

— Вот это сказка.

Хомяк открыл глаза. Сказал:

— Ее сочинила Ящерица.

Ящерица поднялась, поклонилась всем.

— Да-да, это я сочинила эту сказку.

И пригладила на груди зеленое платице. Спинкой повернулась, чтобы показать, что оно у нее со всех сторон красивое.

— Да-а, глубокая сказка, — сказал Енот и первый раз за весь вечер пожалел, что пришел к кургану без сказок. Объявление о конкурсе на память заучил, а о сказках подумать поленился.

Барсук Филька поднял лапу.

— Позвольте. Что же это получается? Сказку придумала Ящерица, а рассказывает ее Хомяк. Почему?

— У нас на троих — три сказки. У каждого по одной было. Мы сложились вместе. И мне досталось рассказывать их.

— Ну что ж, — сказал медведь Спиридон, — говори дальше.

Хомяк потоптался на камне, покашлял в кулачок, сложил на животе лапки. И начал рассказывать:

«Жили по соседству Крот с Сусликом. Крот, бывало, зароется с обеда в землю и спит до утра. А Суслик, тот, бывало, обязательно вечернюю зарю проводит. Встанет на кургане желтеньким столбиком и стоит по-свистывает:

— Золотистая какая.

Поспит немножко и опять на курган бежит — утреннюю зарю встречать. Глядит на нее и головой качает:

— Огневая какая!

Попытался один раз и Крот зарей полюбоваться. Сел вечером возле Суслика и глядит прямо перед собой и ничего не видит: глаза-то у него слепые.

Все подталкивает Суслика, спрашивает:

— Ну, какая она, заря-то?

— Золотистая, как репа, — ответил Суслик.

А Крот и репы никогда не видел. Спрашивает:

— А какая она, репа-то?

Сбежал Суслик к колхозному полю. Принес репку.

— Вот такая сегодня заря золотистая.

Повертел Крот репу в могучих лапах сказал:

— Понимаю.

И полез в нору. Утром он опять сидел возле Суслика. Захотелось ему и утренней зарей полюбоваться. Сидел, глядел прямо перед собой и ничего не видел, глаза-то у него слепые. Подталкивал Суслика плечом, спрашивал:

— Ну, какая она, утренняя заря-то?

— У, она сегодня красная, как морковь, — ответил Суслик.

А Крот и моркови-то никогда не видел. Спрашивает:

— А какая она, морковь-то?

Сбежал Суслик к колхозному полю. Принес морковку.

— Вот такая красная заря сегодня.

Повертел Крот морковку в могучих лапах, откусил кусочек, почмокал губами, сказал:

— Теперь понимаю: заря круглая, как репа, и сладкая, как морковь».

Хомяк кончил рассказывать, закрыл маленькие глазки, перевел дух. Стоит, слушает, как в заднем ряду ахает медведица Матрена:

— Ах, какие молодцы! С какими сказками из степи пришли.

— Да, сказки глубокие, — вздохнул Енот и опять пожалел, что поленился придумать свои сказки.

«Глядишь, и меня хвалили бы теперь, — подумал Енот. — Хомяка-то вон хвалят, а у меня голова больше, чем у него, и сказки у меня могли бы получиться лучше».

И Енот вздохнул еще раз.

— Ну что же ты, брат, стоишь? — повернулся медведь Спиридон к Хомяку. — Давай твою третью сказку.

— Третьей сказки у меня нет. Третью сказку Тушканчик сочинил, но он мне ее рассказывать не разрешает.

— Зачем же ты тогда выходил с двумя сказками?

— Я думал, что пока я буду рассказывать наши с Ящерицей сказки, Тушканчик одумается и позволит мне рассказать и его сказку.

— Одумался я, — крикнул снизу Тушканчик. — Рассказывай и мою сказку.

Он действительно одумался и даже испугался: вдруг Хомяку с Ящерицей дадут пирог и за две сказки и тогда его, Тушканчика, сказка будет не нужна и никто не узнает даже, о чем она. Потому он и крикнул так отчаянно:

— Одумался я.

— Ну вот видите, — сказал Хомяк и сложил на животе лапки. — Слушайте нашу третью сказку.

И начал рассказывать:

«Глубоко в лесу лежал еще снег и потому по лесу тек Ручей. Он выбежал на опушку и увидел желтоглазую Ветреницу. Она только что расцвела и, покачиваясь на тоненькой ножке, говорила, что будет зеленеть теперь до самой осени.

— Вот и хорошо, — сказал, огибая ее, Ручеек. — Я давно ждал, когда зацветешь ты. Испей воды моей. Я ее из самой чащи принес. Я каждый день буду поить тебя, ты только цвети.

И он твердо держал слово, хотя ему и нелегко было. Ночью его давил мороз, и Ручеек покрывался ледком. Другой бы на его месте остановился бы, перестал течь, но Ручеек говорил:

— Она ждет меня, и к утру я хоть глоток да должен принести ей воды своей.

И он, взламывая ледок, бежал к Ветренице. Ему было больно, раскалываясь, ледок делался острым, как стекло. Но Ручеек не думал о себе. Он думал о ней. Каждое утро, прибегая к ней, он говорил:

— Я и сегодня принес тебе воды такой же прохладной и чистой, как вчера.

— Что же здесь особенного, — говорила Ветреница. — Ты же Ручей. Разве трудно тебе принести какую-то горсть воды. Подумаешь.

Ручеек потускнел, но не сказал ни слова: она же не знает, что за этой горстью воды он уходит далеко в глубь леса. Только там еще лежит снег и только там еще сейчас можно достать воду. Он приносит ее оттуда, где прячутся волки.

«Но Ветреница, наверное, даже не знает, что в лесу есть волки, — подумал Ручеек и добавил про себя: — И пусть не знает. Я не скажу ей об этом, а то она еще испугается и перестанет цвести».

И он посветлел. Плескался, журчал возле нее. А она глядела на него желтенькими глазками и говорила:

— Какой ты легкомысленный: журчишь, пенишься. Никакой в тебе серьезности. И когда ты повзрослеешь?

И отвечал Ручеек бойко:

— Вот разольюсь рекой, тогда и повзрослею.

Но рекой он не стал: кончился в лесу снег, и Ручейка не стало.

— Беда не велика, — сказала Ветреница. — Все равно он был легкомысленный: журчал, пенился. Никакой серьезности в нем не было.

Но вскоре ей захотелось пить, листочки ее поникли. И она сказала:

— А ведь было совсем неплохо, когда Ручеек при-

ходил ко мне из лесу: не нужно было о воде думать. Но ничего, вот упадет дождик...

Но дождя не было, а солнце жгло. Ветреница задышалась от жажды. Она покачивалась на тоненькой ножке и думала о Ручейке:

«Зря ты не приходишь ко мне, Ручеек. Мне так не хватает тебя».

Только теперь, когда нажгло ее солнце, поняла желтоглазая Ветреница, что даже у самого легкомысленного Ручейка вода нужная: она цветам и травам жизнь дает».

Хомяк закончил рассказ свой и закрыл глаза, чтобы перевести дух.

— Да-а, — вздохнула медведица Матрена, — вот это сказки.

Дятел, Голубь и Дубонос сдвинули умные головы, совещались. Все были уверены, что Хомяк получит пирог за свои сказки. Уверен был в этом и Голубь. Он сразу сказал:

— Нужно дать.

И Дубонос хотел было уже присоединиться к нему — сказки Хомяка ему нравились, да и медведица Матрена одобрительно отозвалась о них. Но тут Дятел хитровато спросил у Голубя:

— Дать? Кому?

— Хомяку, — сказал Голубь.

— Хомяку? А за что?

— За сказки.

— За какие?

— За всё. Они все хорошие, — сказал Голубь. — Чем тебе, например, не нравится сказка про Ветреницу?

— Нравится, но эту сказку не Хомяк сочинил — Тушканчик. За что же Хомяку пирог давать?

— А про Одуванчик, как он стал солнцем, чем плохая сказка?

— Хорошая, но ведь ее не Хомяк придумал — Ящерица. За что же Хомяку пирог давать?

— А про Крота?

— Это его сказка, но она одна. За одну сказку пирог не положен.

— Но ведь их трое, — не сдавался Голубь. — Они объединились. У них на троих три сказки. Всем троим и нужно присудить пирог.

И Дубонос опять было хотел присоединиться к Голубю, но Дятел сказал:

— Да, их трое, но думали они поврозь. У них у каждого своя сказка. У каждого одна, а за одну сказку пирог не положен. Если бы они все три вместе придумали, тогда бы другое дело.

И Голубь, подумав, согласился:

— А что, ты прав, Дятел.

— Ну, конечно, Дятел прав, — сказал Дубонос.

Он радовался, что не успел присоединиться к Голубю и не совершил ошибки. Больше всего Дубонос боялся в своей жизни совершить ошибку.

— Если бы они все вместе придумали, — с умным видом говорил Дубонос, — тогда можно было бы дать им пирог, а то они просто сложились. И поэтому пирог им не положен.

Уходил Хомяк с кургана и бранил своих компаньонов: глупые! Если бы Ящерица не настояла, чтобы Хомяк объявил всем, что сказку про Одуванчик она придумала, никто бы этого и не знал. И если бы Тушканчик сразу разрешил рассказать и его сказку про Ветреницу, то никто бы и не догадался, что эта сказка не их общая.

«Хитрецы! Выгадывали, вот и просчитались», — думал Хомяк, усаживаясь под березой. Он считал, что из-за Ящерицы и Тушканчика он не получил пирог, и больше не хотел сидеть с ними рядом.

ВОЛЧЬЯ ХИТРОСТЬ

На макушку кургана взбежал волк Рыжий Загривок и глаза его горели. Широко волку не нужен был, волк наелся баранины. Выступать волк не собирался, когда шел из дома. Сказки свои он придумал уже здесь, чтобы защитить себя, чтобы и завтра ему позволили жить в Гореловской роще.

Волк поднялся на курган, чтобы говорить о зайцах. О них сочинил он свои сказки. Хитро сочинил, чтобы ясно всем стало, что с зайцами только так и надо поступать, как поступает он, волк Рыжий Загривок, чтобы все поняли из его сказок, что чем скорее переведутся в роще зайцы, тем легче жить будет.

Речь свою волк начал издалека:

— Тут многие рассказывали свои сказки, а я вот хочу рассказать вам сказки, дошедшие до нас из древности. Их рассказывал мне дед мой — волк Зубастая Челюсть. Сейчас вы услышите их. Но мы все должны понять, что это не просто сказки, а как бы завещание наших предков. Это их обращение к нам, чтобы мы, послушав наказ их, кое над чем задумались. В сказках наших предков очень много мудрости. Ее только понять надо. Вот, например, сказка о заячьей ухе. На первый взгляд вроде ничего в ней такого нет, а вдумаясь — ого-го! Послушайте ее:

«Собрались как-то на поляне в лесу звери и разговорились, кто из них чем знаменит. Заяц тоже пришел. Встал под березкой и стоит помалкивает, слушает, о чем другие говорить будут.

Первым на круг Лев вышел. Прошелся по полянке, гривой царственной встряхнул, грудь могучую показал всем.

— Я, — говорит, — ваш царь. Надеюсь, этим все сказано?

И все закричали:

— Сказано! Сказано!

Заяц тоже голосок подал:

— Сказано.

И опять затаился.

Верблюд на круг вышел. Гордо голову вздернул:

— Я тропы сквозь пустыни прокладываю. Колючки ем. Похвально это или не похвально?

И все закричали:

— Похвально! Похвально!

Заяц тоже сказал:

— Похвально.

И опять затаился.

Медведь о себе говорить начал:

— Вы знаете, сколько во мне силы? Я могу вот эту березу, под которой Заяц стоит, в дугу согнуть. Хотите поглядеть?

Но медведь два дня назад по лесу ходил, дуги из деревьев гнул, все видели и потому закричали:

— Не надо! Не надо!

Заяц тоже сказал:

— Не надо.

Хотя его никто и не спрашивал.

И когда все высказались и больше говорить было некому, вспомнили и о нем.

— Что же ты ничего не скажешь, косой?

А что зайцу говорить? Ему хвастать нечем: нет у него ни силы медвежьей, ни хитрости лисьей. И сквозь пустыни он троп не прокладывал. А звери столпились вокруг него, ждут:

— Говори.

Прижался Заяц к березе. Шепчет:

.. Что вам от меня надо? Не смейтесь надо мной. Мы, зайцы, только ростом не взяли, а головы у нас думают не хуже ваших.

— Что? Что ты сказал? — возмутились звери.

— А то и сказал, что наши головы не хуже ваших соображают. Приходите завтра ко мне. Я вас всех один досыта накормлю.

— Что? Один?

— Один.

— Досыта?

— Досыта.

Заяц разгорячился, ушами подергивает, лапами размахивает. Посмеялись звери над ним, а на другой день в гости к нему пожаловали. И детей с собой привели: пусть и они посмеются над Зайцем. Ну где это видано, чтобы Заяц один всех накормить смог! Вот хвастун-то!

Звери перемаргивались между собой, посмеивались, а Заяц молча раздал всем ложки. Подвел к озеру и говорит:

— Вы знаете, что такое уха? Это вода с рыбой. Вот вам на первое целое озеро ухи. Съедите, я вам второе подам. Но только чур уху мою до дна выхлебать.

И поняли тут звери: перехитрил их Заяц. Да делать нечего: уговор есть уговор. Начали хлебать заячью уху. И ныне все хлебают и никак выхлебать не могут. А выхлебать хочется, чтобы узнать, что же им Заяц на второе приготовил».

Волк ждал бури. Волк ждал гнева против зайцев, а все смеялись. Не смеялся только Бурундук на сосне, потому что не видел ничего смешного в том, что рассказал волк. Остальные все смеялись. Это было непонятно волку, и он, поскрипывая зубами, сказал:

— Смеетесь? Зря. В смысл вдумайтесь. Что своей сказкой говорят нам предки? Что Заяц надо всеми шутку выкинул — озеро хлебать заставил. Плакать надо, а вы хохочете. Ну, что ж, расскажу я вам еще одну историю, завещанную нам дедами и прадедами нашими, и тогда, может быть, вы поймете, почему предупреждали нас предки: «Бойтесь зайцев. Все беды наши от них идут».

Волк откашлялся, поглядел на созвездие Большой Медведицы, подумал: «Помогайте мне, звезды», — и повел рассказ свой:

«Когда-то звери жили одной семьей — волки, лисы, медведи, зайцы — все вместе. И вздумалось им однажды щи сварить: никогда они ничего вареного не ели. Раздобыли кочан капусты, оставили на полянке Заяца караулить его, а сами пошли сучья собирать.

— Возьмите и меня с собой, — запросился Заяц. Но звери сказали ему:

— Что ты унести можешь? Прутик какой-нибудь. Сиди уж вон, карауль.

И остался Заяц один на один с кочаном капусты. Похаживает вокруг него, ноздрями шмыгает — вкусно как пахнет. Лапками его пожмет — сочно хрустит-то как. Эх, сесть бы сейчас возле него, обхватить коленками и грызть, грызть. Но как сядешь, когда кочан-то не его, общий. Съешь — шуму не оберешься.

Ходит Заяц вокруг капусты. Кочан большой, живот у Заяца маленький. Глодает Заяц слюнки, отмахивается от комаров, разговаривает сам с собой:

— Нашли сидельца. Им там хорошо сучья собирать, у них никакого соблазна нет, а тут вот майся, охраняй, а они, может, даже и спасибо не скажут за это.

И решил тут Заяц, что за верную службу положен ему листок капусты. Взял и съел его. И стал кочан чуть-чуть поменьше, а живот у Заяца чуть-чуть

побольше. А звери все не шли, а Заяц все похаживал по полянке да почмокивал:

— М-да. Если у них сила, так они и приказывать могут. А если ты маленький? Сказали тебе — карать. И не перечишь, приневолили.

И вдруг решительно шагнул к капусте:

— Чего это я самого себя томить буду? Есть же в этом кочане моя доля? Есть. Так какая разница, когда я ее съем, сейчас или чуть позже?

Прикинул на глазок, сколько должно выпасть на его долю, и съел. И стал кочан еще чуть меньше, а живот у Зайца еще чуть больше.

Сидит Заяц, ножки калачиком, хмурится. Хоть и не больно это у него хорошо получается, но все-таки хмурится. Ворчит:

— Чего они не идут так долго? Тут измаешься, слюной изойдешь, пока они варить соберутся. Да и зачем варить? Капуста и в сыром виде вкусная.

Говорит, а сам все ближе, ближе к вилку подвигается. Придвинулся вплотную и сжевал с него еще несколько листков.

— Я, — говорит, — меньше всех, а маленькому всегда побольше дают.

Так листик по листику и раздел Заяц кочан до самой кочерыжки. И только тут спохватился:

— Что же я наделал?

И слышит, пробирается кто-то сквозь чащу, шебуршит листьями.

— Сейчас мне попадет, — перетрусил Заяц.

Но так как он был умным Зайцем, то не стал дожидаться, когда его бить будут, нырнул в кусты, только его и видели.

А на полянку с охапкой ровных сухих палочек Лиса вышла. Бросила на траву, вздохнула:

— Устала, пока донесла. Ну да ладно, наварим

сейчас щей, наедемся и ляжем спать... Э, а где же кончан наш?

Ширк, ширк Лиса по полянке — нет капусты, одна кочерыжка валяется, съел кто-то. И Зайца нет. А сквозь чащу, слышно, шагает Барсук и хвастается:

— Я, наверное, первым иду. Я вон как торопился. Обеими лапами хватал.

Охнула Лиса:

— Увидят меня сейчас возле кочерыжки и подумают, что это я капусту съела. И попадет мне. За чужой грех попадет. Всех блох выколотят. Вгорячах и покалечить могут.

Но так как Лиса была умной лисой, то не стала она дожидаться, когда ее бить будут, кинулась в кусты, только шорох пошел по ним. И не догадывалась раньше, что в ней прыти столько. А на полянку Барсук вышел, дрова принес. Посмотрел — нет никого и ослабил.

— Так и есть, я первый. Не зря же я старался, обеими лапами хватал. Наварим сейчас щей и узнаем, какие они на вкус, щи вареные... Но я что-то капусты не вижу. И Зайца нет почему-то.

Бросил Барсук дрова и давай полянку обшаривать. Наткнулся на капустную кочерыжку и рот разинул:

— Съел кто-то.

И слышит: Медведь сквозь чащу продирается, башит на весь лес:

— Что вы там принесете? Ни дыма, ни огня от ваших дров не будет. Что в вас силы? Вот я так почти целое дерево волоку.

— Попался, — охнул Барсук и присел от страха. — Увидит меня Медведь с кочерыжкой и скажет, что это я съел капусту. И мне попадет. Ни за что попадет. Ухватят за волосы и откуделят.

Но так как Барсук был умным барсуком и знал,

что небитым быть лучше, чем битым, кинулся он в кусты и с той поры старается не попасться Медведю на глаза. А Медведь вышел на полянку, осмотрелся, покачал нечесаной головой:

— Нет еще никого. Эх, мелкота. Нашли, гляди, теперь по сучку и донести не могут. Не то что я — почти целое дерево приволок. Сейчас разожжем с Зайцем костер и начнем щи варить. Пока остальные придут, а уж у нас и щи готовы будут.

Но смотрит Медведь: один он посреди полянки. Зайца нет. В траве обглоданная капустная кочерыжка валяется, а из лесу доносится тоненький голосок Ежа:

— Я тоже прутик в общий костер несу. Мне тоже дадите щец похлебать.

— Втюхался! — обмер Медведь. Заплескались в голове мысли тревожные: — Подумают на меня теперь. Скажут: «Съел Медведь кочан капусты и не поделился ни с кем». Срамотища-то какая!

И так как Медведь был умным медведем, то он не стал дожидаться, пока соберутся на поляну звери и увидят его, большого, возле маленькой обглоданной капустной кочерыжки. И хоть ленив бегать был, бросился со всех ног в кусты и спрятался у себя в берлоге.

И пошла с той поры у зверей дружба врозь. Прячутся они друг от друга по кустам, стыдятся в глаза поглядеть. И все ищут Зайца, чтобы признался по-честному, что это он съел капусту. Зайцу признаться не трудно, да не уверен он, что его бить не будут, оттого и носится по лесу, прячется ото всех. Уж больно битым Зайцу быть не хочется, потому что считает он, что небитым быть лучше, чем битым».

Не успел волк закончить свою сказку, как вскочил заяц с Рыжими Усами и закричал:

— Неправда! Не было такого!

Волк пожал плечами:

— Я не говорю, что это сейчас было. В древности. И он постучал себе лапой в грудь:

— Поверьте, я говорю искреннюю правду. Мне это лично мой дед рассказывал — волк Зубастая Челюсть.

Закричали и другие зайцы:

— Не было такого!

— Это он все придумал.

— Не верьте ему.

Шум поднялся.

Медведь Михайло улыбался, он был доволен. Гремел густым басом:

— Ага, завозились, длинноухие. Давай, волк, говори, что завещали нам предки. Это нам каждому знать надо.

— Я буду говорить, Михайло Иванович, потому что вы всего еще не знаете. Ведь зайцы они... они иногда вслух говорят одно, а про себя думают совсем другое.

— Неправда! — шумели зайцы.

Они привскакивали с мест.

Размахивали лапами.

Громче всех кричал заяц с Рыжими Усами:

— Это оговор, не слушайте его. Мы, зайцы, что думаем, то и говорим. В этом и беда наша.

А волк стукнул себя лапой в грудь, сказал:

— Что ж, мне вы можете и не верить, но ведь я не свои сказки рассказываю, а передаю вам сказания наших предков. А этим сказаниям вы обязаны верить, потому что сказания наших предков — это их завещание, это их наказ нам. А в одном из таких сказаний вот что говорится:

«Бежал Заяц по лесу, о своих заячьих делах думал и не заметил, как вышел из-за деревьев на просеку медведь. Хватился, а тот уже совсем рядом — большой, лохматый, угрюмый.

Заяц побелел. Заяц посерел. Зайцу бы надо в кусты, а он замер на месте, сжался в комочек, поднял на медведя желтенькие глазки и моргнуть даже боится.

Придвинулся к нему медведь, закричал:

— Куда путь держишь, косой?

— Да вот, Михайло Иваныч, — залепетал Заяц, — из деревни бегу. Ходил посмотреть, не выросла ли на огородах морковка.

— Ну и что?

— Нет пока. Ботва есть, а морковка — так, ничточки беленькие. Вот домой бегу.

— Ишь ты. Бегаешь, значит, — прогудел медведь, — а я вот хожу даже с трудом. Болею. Ревматизмы разные замучили. И бессонница по ночам спать не дает. Ху-де-ю.

— То-то, я гляжу, ты, Михайло Иваныч, вроде не такой какой-то. Раньше вон какой был, а сейчас вон какой.

И причмокивал раздвоенной губкой:

— Плохо это, когда болеешь.

— Чего ж тут хорошего, — жаловался медведь.

А Заяц глядел на него и думал: «Может, умрет, все одним медведем в лесу меньше будет».

А вслух сказал, прощаясь:

— Выздоровливай, Михайло Иваныч. Ну что ты разболелся? Вспомни, каким ты был, и выздоровей.

Не мог Заяц сказать, что думал: он, медведь-то, хоть и больной, чуть на ногах стоит, а все-таки — медведь. А Заяц еще раньше убедился, что даже самый слабый медведь сильнее самого сильного зайца».

Закончил волк рассказывать свою сказку, и опять у кургана шум поднялся.

Кричали зайцы:

— Неправда! Мы никогда так не думаем.

Кричал медведь Михайло:

— Так вот они какие: с виду — тихони, а про себя вон какие мысли вынашивают, смерти желают нам. Учтем.

А Дятел, Голубь и Дубонос, сдвинув умные головы, совет держали: давать волку за его сказки пирог праздничный или нет. Голубь, тот сразу сказал:

— Надо бы дать.

А Дятел заспорил:

— За что? Зла в волке много. И сказки он рассказывал злые, а разве можно за злые сказки пирог давать? За зло наказывать надо. Верно, Дубонос?

«Верно», — чуть было не сказал Дубонос, да вовремя спохватился: ведь сказанного слова потом не воротишь. Пожал плечами:

— Этот вопрос сразу не решить, подумать надо.

Боялся Дубонос поторопиться. Пусть поспорят Голубь с Дятлом, а когда они договорятся до чего-то определенного, Дубонос присоединится к ним. И будет их решение и в этот раз принято единогласно.

Долго спорили Голубь с Дятлом и наконец решили: не стоит ссориться с волком. Нужно похвалить его, чтобы он остался доволен, а пирог не давать.

— Вот и я так считаю, — важно сказал Дубонос. — Ну а пирог отдадим тому, кто его заслужит.

ЗАЙЦА БЕРУТ ПОД ОХРАНУ

Решение о волчьих сказках выпала честь сообщить Голубю. Он одернул голубенькую рубашку и заговорил торжественным голосом:

— Сказки у тебя, волк, интересные. Награды они заслуживают. И мы присудили бы тебе пирог наш,

если бы эти сказки были твои. Но ведь ты же сам сказал, что это сказки предков, что их рассказывал тебе твой дед — волк Зубастая Челюсть. И поэтому мы не можем за чужие сказки дать тебе пирог. Иди на место, волк.

Волк сделал вид, что решением он не доволен, хотя сошел с кургана. Про себя он радовался, он свое дело сделал: показал всем коварство зайцев. А пирог, зачем он ему? Но все равно делал вид, что решением он не доволен. Шел, ворчал:

— Прижиливаете. Сказки предков сберег в памяти мой дед. Все их давно забыли, а он помнил и рассказал мне. И может, он для того и берег их в памяти, чтобы мне сегодня приятное сделать — помочь выиграть пирог с тыквой.

Зайцы провожали волка свистом. Сегодня они не боялись его: сегодня при всех волк их не тронет, а завтра они спрячутся от него подальше. И они свистели ему вслед, а Мышонок плясал на пенечке и хлопал в ладоши:

— Ха-ха! И волку пирога не дали. Никому не дадут, мне достанется.

Над ним смеялись, а бобер Яшка на березе задыхался от зависти, что смотрят не на него, а на Мышонка. И от обиды, что все у него в жизни складывается не так, как нужно, укусил два раза сук березовый, сорвал на нем зло.

На голову медведя Тяжелая Лапа посыпалась пахучая стружка. Громыкнул медведь страшным голощиком:

— Опять соришь, Яшка? Гляди, сшибу с березы. И что ты все сук этот грызешь? Ты же на нем сидишь.

Но бобер не слышал его. Он глядел на Мышонка — пляшет, паршивец.

— Кто следующий? — спросил медведь Спиридон.

Заяц с Рыжими Усами оглянулся на медведя Михайлу и поднялся. Медведю показалось, что у зайца в глазах нехорошие огоньки бегают. И он закричал:

— Не давать говорить зайцу.

Закричал и волк:

— Не давать! Вы слышали, что завещали нам предки: бойтесь зайцев. Они такое иногда сказать могут, ого-го!

Волк боялся, как бы заяц не повернул его сказки в свою пользу. Второй раз волку выступить не позволят и придется ему завтра держать ответ за разбой. И что если его и в самом деле погонят из рощи? И волк размахивал лапой и кричал:

— Не давать говорить зайцу!

— Это почему же? — прыгал заяц на бревнышке. — Всем давали, давайте и мне.

— Зачем? Все равно умного ничего не скажешь. Сиди, ушами хлопай, слушай, что другие говорить будут, — сказал медведь Михайло.

— Ты тоже, Михайло Иванович, ума не проявил большого, а на кургане стоял. Хочу и я постоять.

— А зачем стоять тебе? Я хоть пирог надеялся получить, а тебе зачем он? Тебе капусты бы кочан. Ты же пироги не ешь.

— А я, может, его Лисе вон подарю.

Услышал это медведь Тяжелая Лапа и закричал:

— Дать зайцу слово.

Медведь Тяжелая Лапа знал, что если отдаст заяц пирог Лисе, то и он попробует, потому и кричал на всю рощу:

— Дать зайцу слово.

Кричала и Лиса:

— Дать!

У Лисы появилась надежда выйти сухой из воды. А что? Выиграет заяц пирог, отдаст ей, и все будет

в порядке: никто не узнает никогда, что она сегодня ела в перерыв.

И Лиса кричала:

— Дать зайцу слово. Пусть говорит. Иди говори, заяц.

И даже проводила зайца до кургана и на курган ему помогла взобраться. Одернула на нем серенькую курточку, волосы пригладила:

— Говори, заяц.

Оглядел заяц всех раскосыми глазами, усы рыжие подкрутил, приосанился.

— Тут волк только что говорил, что все беды в роще от нас, зайцев, идут. Сказки рассказывал. Только он не те сказки выбрал. Ну что он нам рассказывал сказки своих предков? Если даже то, что говорил он, и было, то когда? В старину, когда его предки жили, в самой что ни на есть древности. А мы живем в наше время и рассказывать должны сказки нашего времени. А в наших сказках все выглядит совсем не так, как рассказывал волку его престарелый выживший из ума дед — волк Зубастая Челюсть. Вот одна из сказок нашего времени. Послушайте ее.

«Крепко обижал Волк Зайца. Не давал проходу ни ему, ни его жене, ни его детям. Так и держал все время Заяц ухо настороже. При каждом шорохе вздрагивал: не идет ли Волк, не готовит ли еще какую беду. Все терпел Заяц, поплачет и ладно. А когда изловил Волк возле Ванина колодца его единственного сына, пошел к медведю:

— Защити, Потапыч. Хватит ему лиходеить. Ты как-никак — голова у нас, хозяин рощи. Да и сила в тебе неистовая. Рыкни на него хоть раз для острости. Житья не стало. Додавит он меня где-нибудь. Никакой пакостью не гнушается.

Говорит Заяц, а сам так плачет, так плачет, что глядя на него, медведь сам едва не расплакался.

Вскочил из-за стола — за столом сидел, суп с клецками хлебал, — забегал по берлоге:

— Ах он пес, ах он разбойник! Да как он посмел без моего разрешения обижать тебя. Ишь расхрабрился. Ну, погоди, нагряну я к тебе вечером по сумеркам, ты от меня за семью запорами не упрячешься. Я, брат, бью хоть и редко, да метко, после моего удара не встают.

Бранил медведь Волка, а сам думал: да, надо бы помочь Зайцу — беззащитный он. Но помочь ему — Волка обидеть, а обижать Волка не дело: все-таки он Волк.

Как быть медведю? Как Зайцу приятное сделать и Волка не тронуть? Есть над чем подумать хозяину роши, есть над чем поломать голову. Подумал медведь, покряхтел для пущей важности, опустил на скамью дубовую, сказал, отдуваясь:

— Что ж, с Волком все ясно — пес он. Но вот от тебя, Заяц, я не ожидал такого. Жаловаться, значит, пришел? И не постыдился? Ну был бы ты Зайчихой, тогда другое бы дело, а ты все-таки как никак Заяц, нашего мужского племени, и жалуешься. Подумай, пошевели мозгами: к лицу ли тебе это?

Подумал Заяц, пошевелил мозгами, согласился:

— Верно, не за мужское дело взялся я.

— Осознал? — спросил медведь. — То-то. Тогда будем считать, что ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал. Будь здоров.

И нежно так заботливо выставил Зайца за порог.

Ушел Заяц домой, но от своего решил не отступаться: жену к медведю послал. Сидел медведь на лесине у берлоги, мед ел, облизывался: ловко у него вышло как — и Зайцу посочувствовал и Волка не беспокоил. Глядь, а Зайчиха идет к нему по тропинке.

Побурел медведь сразу: беда с этими зайцами. Ходят, настроение портят. Опять голову ломай, выкручивайся. А Зайчиха подошла и залилась слезами неосушными:

— С жалобой к тебе, Потапыч. Помоги, край пришел. Совсем нам житья от Волка не стало. Стыда у него в глазах нет. Вчера сына у Ванина колодца поймал, сегодня дочку остановил у речки. Припугни ты его, серого, может, уймется.

Вскочил медведь, забегал по зеленой лужайке, замахал могучими лапами:

— Ах он пес, ах он разбойник! Ну я ему прижму хвост, поучу кулаком пудовым. Пока еще я хозяин рощи. Обидеть Зайца всякий горазд, а вот пожалеть его некому.

Пошумел медведь, ногами потопал, кулаками погрозил. Сел, пот со лба смахнул полотенцем расшитым, поманил к себе пальцем Зайчиху:

— Подойди-ка, милая, поближе. Да, не ожидал я от тебя этого. Что же это ты подвела-то меня как? Я о тебе высоко думал, а ты вон как низко держишь себя: жалуешься.

— Так ведь житья от Волка не стало, Потапыч. Помыкает он нами, совсем додавливает. Поневоле взахаешь.

— Понимаю, я все понимаю и сочувствую, но чтобы ты ко мне с жалобой — этого понять не могу. Пришла, наскрипела в уши, щеки ослезила — тьфу!

— Но ты же сам говорил мужу, что жалуются только женщины, вот я и пришла.

— Вижу и дивлюсь. Верно: жалуются женщины, но какие? Слабые, духом слабые. А тебя я всегда считал сильной. Говори, сильная ты или нет?

— Сильная, — прошептала Зайчиха.

А медведь так и подпрыгнул на лесине.

— Так тебе ли, сильной, жалобами марать себя?

Подумай-ка, пошевели мозгами отсырелыми.

Подумала Зайчиха, крепко подумала, согласилась:

— Верно: не за свое дело взялась я.

— Поняла теперь? — просипел медведь. — Ну что ж, будем тогда считать, что ты мне ничего не говорила, а я ничего не слышал, — и по-доброму, без крика проводил Зайчиху домой.

Сидел на лесине, доедал мед, головой покачивал:

— Да, нелегко это — быть хозяином рощи: и Зайца хочется защитить, и Волка не обидеть. Вон я как умно уладил все — и Зайцу посочувствовал и Волка не обеспокоил. Большую голову на плечах иметь надо, чтобы все улаживать так. Не зря меня зовут у нас в роще — медведь Большая Голова».

Закончил заяц рассказывать и подкрутил усы рыжие.

— Вот о чем говорится в новых сказках. А от себя я могу добавить вот что: иметь большую голову на плечах — это еще не все. А вот большая ли доброта исходит от этой головы — вот что важно.

— Ну это ты брось, — рявкнул медведь Михайло. — Мы тоже виноватых наказываем.

— Наказываете, — согласился заяц. — Об этом как раз я и собираюсь рассказать сейчас. Слушайте мою вторую сказку.

И заяц, склонив голову набок, стал рассказывать:

«Шел темной ночью медведь по роще. Вдруг вернулся кто-то из-за дуба и без крика, без предупреждения — бац! — колом по башке. Так и вытянулся медведь на просеке. Видел — метнулись какие-то тени в чащу. Слышал — кто-то по-волчьи зубами клецнул, по-барсучьи хрюкнул, по-лисьи тьякнул. И все стихло.

Чуть дополз медведь до своей берлоги. До утра лежал в кровати и все мокрое полотенце к шишке на

затылке прикладывал, студил ее. А утром пошел всех скликать к себе.

— Им, — говорит, — только дай потачку, так и будут поколачивать.

Собрал всех у берлоги. Уселся на пне. Сказал:

— Вот этим колом сегодня ночью меня кто-то по башке стукнул. Это ты был, Волк?

И завиял Волк хвостом:

— Что ты, Михайло Иванович, чтобы я — тебя... Ты же знаешь, как я всегда о тебе... Как ты мог подумать, что я...

Хвостом виляет, грудь себе когтями царапает, доказывает, что не он это. А Заяц сидит, помалкивает. А чего ему, Зайцу-то, говорить? Все и без того знают, что он с вечера закрывается у себя в домике и до утра наружу носа не высовывает.

— Вижу теперь, — сказал медведь, — не ты виноват, Волк. Тогда, может, это был ты, Барсук.

И завиял Барсук хвостом.

— Что ты, Михайло Иванович, чтобы я... Да ты же знаешь, как я тебя... Да ты для меня...

Хвостом виляет, грудь себе когтями царапает, доказывает, что не он это. А Заяц сидит себе, помалкивает. А чего ему, Зайцу-то, говорить? Все и без того знают, что Заяц на медведя и поглядеть-то не смеет, не то чтобы ударить его.

— Вижу теперь, — сказал медведь, — не ты виноват, Барсук. Тогда, может, это была ты, Лиса?

И завияла Лиса хвостом:

— Что ты, Михайло Иванович! Ты же знаешь, что ты для меня... Я даже детям своим говорю, что ты у нас... И чтобы я после этого...

Хвостом виляет, грудь себе когтями дерет, доказывает, что не она это. А Заяц сидит себе помалкивает. А что ему, Зайцу-то, говорить? Все и без того видят,

что ему и кола-то не поднять, которым медведя стукнули.

— Вижу теперь, — сказал медведь, — не виновата ты, Лиса. Но кто же меня тогда колом стукнул? Ведь стукнул же меня кто-то. Вон какая шишка на голове. Пощупайте.

И подошел тут Волк к Зайцу и говорит:

— А может, это был ты, косой?

Сжался Заяц в комочек, молчит. Поглядел на него Барсук и тоже голос подал:

— Может, и впрямь это ты нашего Михайла Иваныча обидел?

Молчит Заяц. Да и что говорить ему? И так все знают, что он всю ночь в домике у себя спал. Да и как он подойдет к медведю, если он даже глянуть на него не смеет. А кол ему этот и от земли не оторвать, не то чтобы бить им.

Молчит Заяц. А Лиса подошла к нему и взяла за ухо:

— Ну, конечно же, это он ударил нашего Михайла Иваныча. Смотрите, чувствует свою вину и побелел весь.

Заяц не отказывался — у него от страха и языка отнялся. Ни слова не сказал Заяц в свою защиту, и медведь поверил, что это он ударил его колом по голове. И наказал Зайца, чтобы другим nepовадно было».

— Вот о чем говорится в современных сказках, — сказал заяц и подкрутил рыжие усы. — Вот так иногда у нас в роще ищут и наказывают виноватого... А вот еще одна сказка...

— Хватит! — вскочил медведь Михайло. — Я предлагаю запретить зайцу рассказывать сказки. Они у него вредные. Они подрывают наш авторитет.

— А я не про тебя, Михайло Иваныч, рассказываю, что ты кипятишься?

— Не про меня, а похоже. И имя одинаковое. И вообще — это вредные сказки. За них уши драть надо.

— Но я сейчас собираюсь рассказать совсем безобидную сказку про зайца с Лысой горы.

— Запретить! — кричал медведь Михайло. — Все равно в ней подвох какой-нибудь. Не давать говорить ему.

И понеслось со всех сторон:

— Как это не давать? Все говорили, пусть и заяц говорит.

— Так у него же вредные сказки.

— Это тебе так кажется. И ногами на нас не топай. Если у тебя голова большая, так и топать?

— Давай, рыжеусый, крой дальше. Пусть послушают. А то обижать они мастера, а послушать о себе — так кончай скорее. Говори, заяц.

— Я буду говорить, — сказал заяц. — Должен же каждый из нас хоть раз в жизни сказать то, что он думает. Но я прошу взять меня под охрану. Без серьезной защиты я не могу говорить дальше.

И по общему согласию по бокам у зайца встали медведь Спиридон и медведь Лаврентий.

И заяц начал рассказывать свою третью сказку:

«В лесу, как вы знаете, хозяин леса — медведь. И каков характер у него, такова и жизнь в лесу: суровый характер — и жизнь суровая, ходи да оглядывайся. Мягкий — и жизнь мягкая, живи да радуйся.

Крутой был нрав у медведя Потапа. И жить в его лесу было нелегко Зайцу. Помаялся он год, помаялся другой и говорит самому себе:

— Да что я привязанный к этому месту, что ли? Перейду-ка я жить в Гореловскую рощу.

А в Гореловской роще медведь Михайло головой был, медведь Михайло в роще верховодил. Пришел к нему Заяц и говорит:

— Разреши, Михайло Иванович, у тебя в Гореловской роще поселиться. Никакого житья в родном лесу не стало. Ты-то, говорят, хороший медведь, а нам такой достался, жуть одна. Где ни встретит, там и обрывает или по шее даст. Жуть одна.

— Кто же это? — спросил медведь и прищурился. Вытянулся Заяц в струнку перед ним, отрапортовал:

— Он у нас медведем Потапом зовется.

— Не с лысинкой ли случайно?

— Так точно — плешивым зовем.

— С бельмом на правом глазу?

— И это верно — одноглазый. Истый зверь. Тигр прямо.

Поднялся медведь Михайло во весь рост — гора перед Зайцем. Рывкнул, ногой топнул:

— Как ты смеешь о медведе Потопе говорить так? Как ты смеешь говорить так о моем дяде?

И шагнул к Зайцу, но того уже у порога не было. Юркнул за дверь и припустился по просеке, только пятки мелькают. Удирает, думает: «Наскочил на племянничка. Ну да ладно, на Гореловской роще свет клином не сошелся. И в Осинниках поживу».

Прибежал Заяц в Осинники. В Осинниках медведь Онуфрий за старшего был. Заяц к нему.

— Разреши, дядя Онуфрий, в твоей роще поселиться.

— А в своем лесу не живешь что? — спросил медведь, облизывая ложку медовую, мед ел.

Вытянулся Заяц перед ним в струнку, доложил:

— Сил больше нет жить с медведем нашим. Ты-то вот, говорят, хороший медведь, а наш Потоп лютее зверя лютого. Где ни встретит, там и обрывает или по шее даст.

— Постой, не части языком. За тобой не угнаться. Это какой Потоп-то? Толстый такой, что ли?

— Так точно, — еще больше вытянулся Заяц. — Разжирел на наших харчах, чуть в берлогу лезет.

— С сутулиной?

— И это верно: горбатым зовем.

— Это сына-то моего — горбатым звать! — громыхнул медведь голосищем медвежьим.

И — к Заяцу.

И если бы не привык Заяц всегда начеку быть, не бегать бы ему по земле больше. Но юркнул Заяц за дверь и припустился по Осинникам, только ветер по листьям пошел.

Улепетывал Заяц из Осинников, думал: «Вот и с папашей познакомился. Ну да ладно, на Осинниках ведь тоже не сошелся свет клином. Поживу и в Ясеновом лесу».

Прибежал Заяц в Ясеновый лес и первым делом к хозяину его — медведю Ивану. Старенький он уже был, чуть сидел на завалинке у берлоги. Ему бы давно уж в земле лежать, а он все ходит по ней, все топчет ее.

Встал перед ним Заяц, вытянулся в струнку, как положено вытягиваться зайцу перед медведем, доложил:

— Пришел к тебе, дедушка Иван, на постоянное жительство. Не могу больше в своем лесу жить.

— Что так? — проскрипел медведь, подставляя к уху ладонь, чтобы слышать лучше.

— Лютый больно хозяин у нас в лесу. Ты-то вот, говорят, больно хороший, с тобой жить — плясать да радоваться, а с нашим Потапом наплачешься досыта: где ни встретит, там и обрывает или по шее даст.

— С кем ты сказал? — наклонился медведь к Заяцу поближе.

— С Потапом, говорю, — прокричал в его ухо Заяц. — Чтобы ему, когда умрет он, места в земле

не было. Притесняет, поколачивает. Впору хоть на глаза не показывайся.

И протянул тут медведь Иван лапу и сгреб Зайца за ухо.

— Как же это ты, косой, посмел так о Потапе говорить передо мной, его дедом?

И понял тут Заяц, что плохо ему сейчас может быть, если не схитрит он. Схитрил Заяц:

— погоди, дедушка Иван, гневаться. Я это испытываю тебя. Послал меня Потап привет тебе отнести, а как узнать тебя, не разъяснил, а я спросить не догадался. Пришел к вам сюда, что, думаю, делать? Вот и придумал: наговорю тебе о Потапе чепухи какой-нибудь и, если ты в самом деле дед его, то схватишь меня за ухо. Вот ты и схватил. Значит, точно — ты дед Потапа. Прими, дедушка, привет от внука.

И подобрел сразу медведь Иван.

Смягчился.

Отпустил Зайца. Стоит, поясницу почесывает.

— Вспомнил, значит, Потап деда своего, привет прислал. Это хорошо. Когда стариков, говорю, не забывают, это хорошо. Только что же он сам-то никогда не наведается ко мне?

— Да ему, дедушка, некогда, — врал Заяц, распрямляя смятое ухо. — Дела все у него. Сам знаешь — лес, за ним ох какой глаз нужен.

Медведь согласился:

— Это верно, наше медвежье дело такое: гляди да гляди. Ну что ж, увидишь Потапа, ему привет сказывай. Спасибо скажи, что не забыл деда. И пусть навещает меня как-нибудь, старика.

— Обязательно скажу, — пообещал Заяц и пошел поскорее из Ясеневого леса.

Шел он и думал: «Расхватали косолапые рощи...»

Больше он никуда не пошел: еще встретившись с каким-нибудь родственничком Потапа. Свернул к Лысой Горе и поселился в одном из ее оврагов. И все зовут его теперь не просто Заяц, а заяц с Лысой Горы».

Закончил заяц с Рыжими Усами рассказывать сказку и повернулся к медведю:

— Вот, Михайло Иванович, о чем в современных-то сказках говорится.

А медведь Михайло отозвался со своего ряда:

— Ну, говорил я вам, что и эта сказка у зайца будет с подвохом, не послушались, дали ему слово. Ну и моргайте теперь, косолапые да большеголовые. Про вас ведь про всех говорил заяц, а вы разинули рты и слушаете.

Но никто не обратил на его слова внимание. Все ждали, какое решение примут Дятел, Голубь и Дубонос по заячьим сказкам. Нетерпеливее всех этого решения ждала Лиса: хорошо, если бы зайцу дали пирог, и хорошо, если бы этот пирог он отдал бы потом ей.

ПАДЕНИЕ БОБРА ЯШКИ

Дятел, Голубь и Дубонос сдвинули умные головы, посоветовались и решили: сказки у зайца хорошие, хоть и обидные для медведей. Но пирог ему пока не давать: надо всех прослушать, может, у кого и получше сказки будут.

На пенечке припрыгивал и плясал Мышонок:

— Ха-ха! И зайцу пирога не дали. Никому не дадут, мне достанется.

Над ним смеялись. Не смеялся только Бурундук на сосне. Он сутулился, глядел на всех хмуро и хмуро ворчал:

— И чего смеются? Ведь ничего же смешного нет.

Не смеялся и бобер Яшка. Он сгорал от зависти к Мышонку и еще раз от обиды укусил сук, на котором сидел.

Сук треснул, и Яшка с шумом рухнул на голову медведю Тяжелая Лапа.

Медведь кувыркнулся с пенька и забранился:

— У, супостат! сколько раз говорил: не грызи сук, на котором сидишь, не послушался.

И дал Яшке затрещину.

Медведь Спиридон зазвонил в колокольчик:

— Ну, кто еще хочет порадовать нас своими сказками?

Медвежонок Ивашка потянул было лапу, но тут же опустил ее: как увидел, сколько глаз и ушей вокруг, то и перепугался. Уж лучше не выходить, чем насмешить всех, как медведь Михайло. Опозоришься перед всей рощей и хлопай потом глазами. И медвежонок остался сидеть под березой.

А медведь Спиридон все спрашивал с макушки кургана:

— Так кому же теперь дать слово?

И прищурился, ждал.

Все молчали.

— Что? Нет больше желающих? Разрешите тогда мне попытать счастье? Можно, что ли?

И понеслось со всех сторон:

— Давай говори. Всем было можно, отчего же тебе нельзя.

Медведя Спиридона любили в роще за его доброту и слушали его всегда охотно. Он положил на ка-

мень колокольчик. Пригладил на голове волосы. Заговорил:

— Вот тут Еж Иглыч Лису корил за плутни ее, бобер — соседа, волк — зайца, заяц — медведя. А я хочу сразу обо всех говорить. Все мы понемногу виноваты в наших бедах. Об этом и сказка моя.

И медведь Спиридон стал рассказывать:

«Жил в лесу Медведь. Берлога у него была большая-пребольшая. Медведь был добрым, всех пускал к себе: летом от дождя спрятаться, зимой — погреться. И каждый ему за это старался добром отплатить. Увидит, бывало, Волк — косячок у двери покосился. Скажет:

— Поправить надо. Все дверью хлопаем. Одному медведю за всем не углядеть.

Возьмет топор и поправит.

Увидит, бывало, Лиса — занавески на окнах запылились. Скажет:

— Постирать надо. Все содомим. Медведю одному не управиться.

Нальет в корыто воды и стирает.

Увидит, бывало, Заяц — намусорено в берлоге. Скажет:

— Подмести надо. Все сорим. Медведю одному не углядеть за чистотой.

Сбегает к оврагу, веник наломает. Подметет. Чисто в берлоге. Уютно. Хорошо всем.

И сказал как-то Медведь:

— Знаете, подарю-ка я вам берлогу эту. Живите. Я себе другую построю.

И подарил.

И все пошло по-другому. Увидит Волк — косячок у двери покосился. Скажет:

— Починить, что ли.

Но тут же подумает: «А почему это я чинить должен? И Барсук дверью хлопает. Пусть он и чинит».

А Барсук на Енота смотрит, Енот на Крота, и никто не чинит.

Увидит Лиса — занавески запылились на окнах. Скажет:

— Постирать, что ли.

Но тут же подумает: «А почему это я должна стирать их? И Куница пылит. Пусть она и стирает». А Куница смотрит на Белку, Белка на Ласку, и никто не стирает.

Увидит Заяц — намусорено в берлоге. Скажет:

— Подмести, что ли.

Но тут же подумает: «А почему это я должен мети? Суслик тоже содомит. Пусть он и метет». А Суслик смотрит на Хомяка, Хомяк на Хоря, и не метет никто.

И вскоре в берлоге столько всякого мусора накопилось, что и ступить некуда. Углы заплесневели, стены покосились, потолок провис. Поглядел как-то Заяц и сказал:

— Опасно жить в такой берлоге.

И все согласились с ним:

— Опасно.

И перестали приходить в берлогу. Летом кто где под дождем мокнет, зимой кто где от мороза хоронится. И к Медведю не идут — стыдно. Он им берлогу свою подарил, а они ее не уберегли».

— Вот как дело-то было, — сказал медведь Спиридон и поглядел на волка. — Ты, Рыжий Загривок, считаешь, что звери врозь живут потому, что Заяц кочан капусты съел. Мелко, брат, это: за кочан капусты дружбу рушить. А вместе мы не живем потому, что каждый себя больше, чем других любит. От этого дурного корня и все беды наши.

— Верно! — закричала медведица Матрена.

А медведь Спиридон дальше речь вел:

— Чем больше доброго мы друг дружке делать

будем, тем и жить нам веселее будет. А если сегодня ежик лису уколол, бобер — соседа, волк — зайца, заяц — медведя, а завтра обиженные захотят отплатить обидчикам, то вся наша жизнь из одних укулов состоять будет. Иначе жить надо.

— Правильно, — закричал волк. — Без судов жить надо.

— Но это не совсем так. Тебя судить надо и тебя судить мы будем. Зла в тебе много. И не любишь ты никого. Если у тебя что есть, ты никому никогда не дашь. Поучить тебя следует.

— Меня и так все учат и все бранят. Даже заяц и тот бранит.

— Как Лиса медведя?

— Какая Лиса?

— Та самая, о которой я сейчас сказку рассказывать буду. Послушайте ее.

«Повадилса медведь Тяжелая Лапа в гости к Лисе ходить. Не успеет через порог перевалить, как уж спрашивает:

— Чем ты меня, Лиса, сегодня потчевать будешь?

Так и хочется Лисе крикнуть что-нибудь такое, чтобы у медведя и в глазах темно стало. Совсем он одолел ее. Но как крикнешь? Он медведь. Он такое с тобой сотворить может, что и голоса навсегда лишишься.

Крепитса Лиса, хоть и надоело ей кормить медведя. И вот как-то поймала она куропатку в роще, оцципала ее, только есть собралась, а медведь лезет через порог.

— Здравствуй, Лисонька.

И за стол вдвинулся.

— Ну, чем ты меня сегодня потчевать будешь?

«Ну, — думает Лиса, — была не была, а сейчас я тебе все, косолапый, скажу. Хватит тебе объедать меня».

И сказала:

— Бессрамный ты. Ни стыда в тебе, ни совести.

И поднялся медведь Тяжелая Лапа во весь рост, загудел могучим голосищем:

— Что?

Тут же у Лисы и сердце в пятки ушло. Совсем она иным голосом заговорила:

— Совести, говорю, в тебе нет. Не мог ты разве раньше придти? Уж я ждала тебя, ждала... Куропатку вон ощипала.

— А, ну тогда другое дело, — опустил медведь на лавку и куропатку к себе придвинул.

Наклонился над нею, приглядывается, с какого конца есть ее. Жалко Лисе куропатку стало. «Ну, — думает, — сейчас уж я тебе все скажу, косолапый. Пора тебя отучить от моего дома, дармоеда».

И сказала:

— И все же ни стыда в тебе, ни совести. Что ты на мою куропатку глаза пялишь?

— Что?! — забасил медведь и с лавки приподнялся.

И опять у Лисы сердце в пятки ушло. Совсем она иным голосом заговорила:

— Бессовестный, говорю. Что ты на мою куропатку смотришь? Ее поскорее есть надо, пока она теплая, а ты глядишь только.

— А, ну тогда другое дело, — прогудел медведь и съел куропатку.

Поднялся из-за стола и пошел к порогу.

«Ну, — думает Лиса, — уж я сейчас тебе, косолапый, все скажу. Оставил меня голодать».

И сказала:

— Не приходи ко мне больше, окаянный.

— Что?! — повернулся медведь Тяжелая Лапа.

И сразу понежнела Лиса:

— Не приходи, говорю, ко мне больше поздно так. Уж я всегда жду, жду...

— А, это другое дело, — прогудел медведь и головой покачал: — Ох, и язык у тебя острый, так и колется. Ну уж ладно, так и быть, я завтра пораньше приду.

И пришел. Только Лиса гуся разделала, а он лезет через порог, кряхтит.

— Чем ты меня, Лисонька, сегодня угощать будешь? Иду я.

Лиса так вся и покраснела от гнева.

— Колом по голове, — кричит.

— Что?! — возвысился над нею медведь.

И простонала Лиса:

— Колом по голове, говорю, угостила бы тебя, если бы не люб ты был мне, а то вон гуся приготовила.

— А, — прогудел медведь Тяжелая Лапа и вдвинулся за стол, — а я уж думал... Ну, где твой гусь-то?... У, мясистый какой. Волоки его сюда скорее. Готов я».

— Вот так мы иногда браним обидчиков наших, — закончил медведь Спиридон свою вторую сказку.

Лиса была довольна, может, хоть теперь медведь Тяжелая Лапа перестанет донимать ее. А медведь Тяжелая Лапа глядел на медведя Спиридона из-под лохматых бровей и ворчал:

— Зачем ты так? На позор выставил.

— Каково живешь, таково тебе и поется, — сказала медведица Матрена.

И медведь Спиридон согласился с ней:

— Верно, Матренушка: какова жизнь, такова и сказка. Если вон по-иному живет Предраассветный Ветерок, то иная про него и сказка складывается. Послушайте ее:

«Молния срезала огненной пилой высокую сосну, среди ветвей которой любил отдыхать Предраассвет-

ный Ветерок. Он погоревал немножко, повздыхал и пошел искать себе новое место. И нашел. Гореловская роща большая, можно найти. Это был могучий Дуб. Вершина его упиралась почти в самое небо.

— Это мне подойдет, — сказал Ветерок и, взбежав по его стволу наверх, расположился среди ветвей на ночлег. Отсюда ему было все далеко видно и, самое главное, был виден за рощей край неба.

«Зорька только соберется заалеть, а я уж ее увижу», — подумал Ветерок, умываясь поудобнее.

На исходе ночи он проснулся.

Спрыгнул на землю, умылся на скорую руку из ручья и побежал на поляну будить цветы:

— Вставайте. Рассвет идет. На земле начинается новый день.

— Как, ночь уже кончилась? — пробуждаясь, спрашивали цветы.

Но Ветерка уже не было рядом, он бежал дальше. Земля большая. Нужно успеть обежать ее до рассвета всю и всем сообщить: над миром готовится взойти солнце, выходите встречать его.

Он сделал свое дело и, уставший, весь день шагал с запада в Гореловскую рощу к своему Дубу. Пришел уже по глубоким сумеркам вечера.

Увидев его, Дуб обрадовался, задвигал ветвями:

— Я уж думал, что ты не придешь. Ну, рассказывай, где был, что видел. Это же так интересно — путешествовать по земле.

— Я не путешествую, я работаю, — ответил Ветерок.

Он много видел хорошего, обегая землю, о многом мог бы рассказать, но он сказал:

— Как-нибудь в другой раз. Сегодня я устал...

Но и на другой и на третий вечер он возвращался

в рощу таким же усталым и, поднявшись к себе наверх, сейчас же засыпал.

Как-то, когда Ветерок, охая, собирался в дальнюю дорогу — накануне он простудился, и у него болела голова, — Дуб сказал ему:

— Отдохни хоть сегодня. Смотри, какие у тебя красивые глаза. Ты же совсем почти не спишь.

— Что поделаешь, — ответил Ветерок, умываясь, — должность уж у меня такая: раньше всех вставать. Меня потому и зовут Предрассветным, что я иду перед рассветом.

— Трудная у тебя должность.

— Не из легких, — согласился Ветерок. — Но быть вестником света — это дано не всякому, Дуб. И это надо ценить.

— И все равно я бы не справился с такой работой, — сказал Дуб.

Ветерок не стал с ним спорить, встряхнулся и пошел на поляну. Сейчас он понесет над землей те слова, которыми каждое утро начинает свой очередной день:

— Вставайте, в мир идет солнце!»

Этими словами закончил медведь Спиридон свою третью сказку. Все молчали. Даже Мышонок не прыгал и не пищал на пенечке. А когда посмотрели на него, то увидели: спит Мышонок. Так наплясался и напрыгался за вечер, что уснул на самом интересном месте.

ЧЕРЕПАХА КИРИ-БУМ СТОРАЕТ ОТ СТЫДА

Дятел, Голубь и Дубонос сдвинули умные головы, но совещались недолго. Решение было принято быстро и единогласно. Оно состояло из двух пунктов.

1. Второго тура конкурса на лучшую сказку не проводить, потому что и в первом все стало ясно.

2. Премию присудить медведю Спиридону за его сказку про медвежью берлогу.

Решение объявил Голубь:

— Эта сказка — неповторимая сказка, потому что она нас всех очень тронула. Спасибо тебе, Спиридон, за сказку. Заслужил ты награду.

Голубь так трогательно говорил, что даже сам прослезился, а черепаха Кири-Бум, так та даже расплакалась.

— У меня, — говорит, — и то нет ни одной такой сказки.

И хлопая ладошкой по газетному свертку, добавила:

— Так вот кто это получит сегодня — достойный из достойных.

Все захлопали в ладоши, а под березой заскрипел зубами и ударил себя кулаком по лбу медведь Тяжелая Лапа. Он поднялся и пошел прочь от кургана, чтобы не видеть, как медведю Спиридону пирог вручат будут. Он теперь точно знал, что попробовать пирога с тыквой ему не придется, а значит, и быть дальше на вечере нечего. Зря он подружился с Ли-

сой: она даже пирог выиграть не сумела. Надо было с медведем Спиридоном дружбу поддерживать, он бы и сказкой нынче не ударил и пирогом бы теперь поделился. Эх, обмишулился он, не за тот сук ухватился. Хоть поглядеть, как он его есть будет.

И медведь Тяжелая Лапа остановился у сосны, на которой сидел сумрачный Бурундук. Медведь Спиридон стоял на макушке кургана. На него светила луна. Над ним горели звезды. Он был счастлив, кланялся всем, благодарил:

— Спасибо, что так тепло приняли мои сказки.

К нему тянулись, поздравляли. Подошел поздравить и медведь Лаврентий.

— Ты, Спиридон, пирог-то возьми, а газету мне отдай. Хотя она и в масляных пятнах, но все-таки еще можно глядеть в нее.

— Ладно, отдам, — улыбнулся на кургане медведь Спиридон.

А медведь Михайло смотрел на него и думал: «А могли бы и меня вот так же поздравлять, если бы я не с мелочью, а с настоящими сказками на курган вышел. Что ж, впредь умнее буду. Нужно было не о пироге, а о сказках думать, а у меня наоборот вышло, оттого и оконфузился. А Спиридон вон в почете. Пирог ему уже несут.

Пирог несли торжественно. Несла его черепаха Кири-Бум. Следом за ней важно шли Дятел, Голубь и Дубонос. Наклонился к ним медведь Спиридон, принял сверток.

— Спасибо, сколько жить буду, не забуду радость минуты этой. Я сегодня вроде на пять лет моложе стал.

Черепаха Кири-Бум речь произнесла:

— Как это хорошо, — сказала она, — что не только я, но и другие у нас в роще научились сказки

рассказывать. Со сказками мы добрее станем... Ешь, Спиридон, пирог. Празднуй свою победу.

— Я его дома съем, — сказал медведь Спиридон. — Сейчас я очень волнуюсь. Поперхнусь еще.

И хотел было сойти с кургана, но попросил тут медведь Михайло:

— Разверни, Спиридон, пирог-то, мы хоть поглядим на него последний раз. Ведь больше увидеть не придется.

— Это верно, — сказал медведь Спиридон и начал торжественно разворачивать сверток.

Развернул и — все ахнули! В газете вместо пирога лежал камень. Круглый. Холодный. Мхом прозеленевший. Все застыли в изумлении, а на сосне закачался от смеха Бурундук:

— Украли! Пирог украли! Ха-ха-ха!

Он смеялся первый раз в жизни.

Черепеха Кири-Бум схватила за голову:

— Батюшки, не уберегла. Съели.

А Бурундук раскачивался на сосне, хохотал:

— Украли! Премию украли!

И хватался за грудь: у него было готово разорваться от смеха сердце.

Черепеха Кири-Бум повернулась к Лисе.

— Это ты съела пирог наш. Да за это тебя повесить мало. И вытянула вперед палец:

— Судить ее, рыжую.

И все проснулись будто, закричали:

— Судить! Судить ее! И немедленно!

А на сосне покатывался от смеха Бурундук:

— Сколько шумели, спорили, а пирог съела Лиса без всякого шума. Сама себя наградила. Шуметь и спорить из-за съеденного пирога! Ох-хо-хо!

Он смеялся первый раз в жизни и смеялся так, что с ним сделалась истерика и пришлось его отливать водой.

ЧЕРНОГО ВОРОНА ПОДНЯЛИ С ПОСТЕЛИ

В полночь на Маняшином кургане начался над Лисой суд. Сидела Лиса на макушке кургана на березовом пне. На коленях у нее лежала развернутая газета, а на ней — холодный, прозеленевший мхом камень. Так решил черный Ворон:

— Пусть она глядит на него и кается.

Ворон и судил Лису. Он уже спал и его подняли с постели. Первым делом он спросил у Лисы:

— Правду говорит черепаха? Это ты съела пирог? А почему ты не убежала и не спряталась?

— А куда бежать-то? Все равно найдете. А я решила: пусть все будет по чести. Я съела пирог, судите меня, но прошу учесть: я не сбежала, я не заставила вас искать меня по роще. Это смягчает мою вину.

Потом Ворон выслушал свидетелей. Первым говорил Енот. Он свою речь начал торжественно:

— Надо на дело пошире взглянуть. Разве весь грех Лисы только в том, что она сегодня на виду у всех пирог съела? Она всегда такая: так и глядит, где и как бы кого обжечь. В гости придет — угощай ее скорее. А когда к ней придешь, как она встречает тебя? Со мной однажды случай был. Пришел я к ней. Сидит она за столом и утку ест. А утка жирная, так и течет по губам Лисы сало. Приди я к вам к кому-нибудь, что бы вы сказали? Садись, Енот, угощайся. А Лиса и не видит будто, что я пришел. Ест себе и ест.

Не выдержал я, попросил:

— Дала бы ты и мне, Лиса, кусочек пожевать.

— Ты вроде что-то сказал? — спрашивает Лиса, а сама быстрее есть начала. — Что-то мне последнее время уши закладывать стало. То хорошо слышу, а то плохо.

Потоптался я у порога, потоптался. И хоть стыдно было, но все-таки пересилил себя, сказал чуть громче:

— Дала бы ты и мне пожевать кусочек утки.

И что вы думаете? Помотала Лиса головой да и говорит:

— И что это со мной делается? Неудобно даже. Вот ты что-то говоришь мне, а я не слышу. Ты уж, пожалуйста, погромче кричи.

А сама еще быстрее жевать начала. А дух от утки такой сладкий идет, что и не хочешь, а протянешь лапу, попросишь. Попросил я. Потоптался у порога, потоптался, да как заору:

— Дала бы ты, Лиса, и мне пожевать кусочек утки.

А Лиса знай себе мотает головой да на уши жалуется:

— Ну ничего не слышу. Да крикни ты мне погромче.

А уж куда громче кричать, и так на всю рощу ахнул. Я бы, может, и еще раз крикнул, но смотрю, а кричать-то уж и не из-за чего, одна ножка от утки осталась, да и ту обсосала Лиса и в рот положила. Сказал я тогда чуть слышно:

— Так я о здоровье твоём справиться зашел.

— А что? Здорова я, — сказала Лиса и отгребла в сторону косточки утиные.

Лапки о живот вытерла, подперла кулаком щеку и говорит:

— Вот теперь и побеседовать можно: уши слышимость обрели. Здравствуй, Енот, проходи, будь гостем.

— И это когда она уже утку съела! Вот она какая, Лиса-то. И я считаю, что за все плутни ее следует прогнать из рощи.

На березе Филин сидел. Он уже с охоты вернулся, сытый сидел. Услышал, что Енот сказал, икнул с перепугу:

— Ого! За пирог с тыквой выгнать Лису хотят, а что же сделали бы со мной, если бы я утащил Мышонка.

И от одной мысли, что с ним могли бы за Мышонка сделать, Филину стало так страшно, что он нырнул поскорее в дупло. А черный Ворон у медведя Михайлы спросил:

— А ты что скажешь, Михайло Иванович?

А что Михайле сказать? Он с самого начала считал, что пирог ему принадлежит. И теперь считал, что Лиса съела его пирог. Простить этого он ей не мог. Потому и сказал, хмуясь:

— Гнать ее, рыжую.

И все-таки услышанного черному Ворону показалось мало для столь сурового приговора. И тогда вытолкнул к Ворону пес Вертихвост щенка Федотку:

— Расскажи, Федотка, как она у тебя в курятнике порядок наводила.

— Это можно, — мотнул Федотка длинными не по росту ушами и начал говорить.

«Была ночь. Я сидел у крылечка и облизывал губы. Вдруг смотрю, вошла во двор Лиса и направилась к курятнику. Я и спросил тут у нее строгим голосом:

— Ты это куда, рыжая?

Так и присела Лиса:

— Собака!

И метнулась было к калитке, а потом смотрит, а это я у крылечка сижу. Завиляла хвостом.

— Ах, это ты, Федотушка. А я иду мимо и думаю: дай погляжу, порядок ли у тебя в курятнике. А то бывают собаки, во дворе у них все как надо, а в курятник войдешь — батюшки мои! А ты вроде не такой.

Сладко мне стало от лисьих слов и я подтвердил: — Это точно, не такой я.

Очень, знаете, понравилась мне похвала Лисы. Сам дверь в курятник распахнул, сам впустил ее туда.

— Вот теперь вижу, — говорит Лиса, — не ошиблась я в тебе. Хорошо у тебя в курятнике.

И кур начала считать.

— Хочу узнать: чет или нечет. Если чет, то хорошо, а если нечет — плохо. Ну вот видишь — девять кур. Плохо это, ой, как плохо. Непорядок у тебя в курятнике, Федотка.

— А петух?

— Петух не курица, он в счет не идет.

И сдернула с насеста лишнюю курицу.

До самой околицы провожал я Лису и все благодарил ее, что выручила она меня, навела в курятнике порядок.

На другой день опять пожаловала.

— Понимаешь, — говорит, — весь день я тревожилась: вдруг ошиблась я, неправильно твоих кур сосчитала. У меня получился чет, а вдруг на самом деле нечет. Вдруг подвела я тебя и у тебя в курятнике будет непорядок. Пойдем проверим.

И первой вошла в курятник. Сосчитала кур и ахнула:

— Так и есть, ошиблась я — нечет.

— Как нечет? — удивился я. — Восемь же кур.

— А Петух!

— Но ты же сама говорила, что петух не курица и в счет не идет.

— Это было вчера, в четверг. А сегодня — пятница, а по пятницам петухи считаются.

И сдернула с насеста еще одну курицу.

На следующий день Лиса опять пришла. Приходила и после еще несколько раз и каждый раз пересчитывала в курятнике кур и каждый раз у нее получался нечет. И каждый раз Лиса уносила для порядка из курятника курицу. И вот приходит она однажды, смотрит, а в курятнике на насесте сидит сиротливо один петух.

— Петух без кур, — сказала Лиса, — это уж совсем никуда не годится. Если нет кур, то и петуху на насесте сидеть нечего.

Положила петуха в мешок и унесла в рощу. И я даже обрадовался.

«Вот теперь, — думаю, — у меня в курятнике полный порядок, так и должно быть».

Закрыв за Лисой дверь и полез в конуру. Спал спокойно. Когда у тебя во дворе порядок, хорошо спится. И одно только волновало меня: отчего это последнее время бабушка Степанида на меня так неласково смотрит и приговаривает:

— Эх ты, караульщик.

И если бы не Вертихвост, я бы так и не догадался, в чем тут дело».

Сказал Федотка свое слово и сел на место. И закачал черный Ворон головой:

— Да-а.

И зашумели все сразу:

— Да за такое Лису мало из рощи выгнать. Пощаще ей кару придумать надо. Давайте ее повесим. Нашла кого обидеть — щенка глупого.

— Позвольте, — вскочил Федотка. — Это не совсем так. Я, знаете, не глупый, я несообразительный.

Спорить с ним не стали. Главное для всех было ясно — большая Лиса обидела маленького Федотку. И решение у всех было одно:

— Надо Лису повесить.

Видит Лиса — плохо дело, конец ей приходит. Попросила:

— Раз уж вы решили повесить меня, вешайте. Но выполните мое последнее желание: разрешите хоть дерево самой выбрать.

— Это можно, — сказали ей. — Выбирай.

И подвели Лису к березе. Спрашивают:

— На ней повесить тебя?

Обошла Лиса березу вокруг, оглядела со всех сторон, сказала:

— На ней можно бы, да низковата она немного. А вы уж меня на таком дереве повесьте, чтобы далеко меня видно было.

— Это верно, тебя нужно повыше повесить, чтобы все видели, что мы у себя в роще с плутами делаем, — сказали звери.

И подвели Лису к сосне. Сказали:

— На ней в самый раз тебе висеть будет. Вон она высокая какая.

Оглядела Лиса сосну, покачала головой:

— На сосне можно бы повисеть, да сучьев на ней мало. А мало сучьев, мало тени. Высохну быстро. А вы уж меня так повесьте, чтобы я долго висела.

— И это верно. Ты должна подольше повисеть, чтобы все запомнили, что мы у нас в роще с плутами делаем, — сказали звери.

И подвели Лису к дубу:

— На нем тебя повесим. На нем ты не вдруг высохнешь. Вон он сколько тени дает.

Оглядела Лиса дуб со всех сторон, сказала:

— Можно и на нем повисеть, но вы посмотрите, сколько ветвей на нем. Меня среди них и не видно

будет. Рядом пройдут и не заметят. А вы уж меня так повесьте, чтобы откуда ни поглядел, увидел — вон она я, покачиваюсь.

И все опять согласились:

— Верно, тебя нужно так повесить, чтобы кто ни поглядел, обязательно сказал: вон она, плутовка, висит.

И повели Лису к осине. Но и у осины Лиса изъян нашла. И у ясеня тоже. По всей Гореловской роще провели ее и во всей роще не нашла Лиса дерева подходящего, а на плохом ей висеть не хотелось.

— Пойдемте, — говорит, — в Осинники. Там поищем.

Но у всех были дома дела. И потому все сказали:

— Иди одна. Найдешь, кликнешь нас. Мы придем и повесим тебя.

— Пусть так будет, — сказала Лиса и ушла в Осинники.

Лето она в Осинниках провела, на зиму перебралась в Дубраву, там зимовала. А сейчас, говорят, собирается идти в Ясеновый лес. Все еще ищет Лиса и никак найти не может для себя подходящего дерева.

— Я, — говорит, — и не думала раньше, что во всех наших рощах нет истинно хорошего дерева, на котором было бы приятно висеть.

Ну, а газета с камнем и сейчас еще лежит в берлоге медведя Спиридона. Когда принесли ему ее, сказали:

— Это чтобы ты помнил, что мы тебя все-таки наградили.

СОДЕРЖАНИЕ

Необычайное объявление	3
Медведь Лаврентий расстается с газетой	7
Маленькие сказки большого Медведя	16
Сын белки Рыжее Ушко	24
Дохирикался Заяц	31
Отчего волк перестал смеяться	38
Козел Яшка и другие	51
Обида медведицы Авдотьи	60
Поужинала и Лиса	68
Она хотела как лучше	72
Сосед бобра Павлушки	79
Просчитались	85
Волчья хитрость	95
Зайца берут под охрану	104
Падение бобра Яшки	117
Черпаха Кири-Бум сгорает от стыда	126
Черного Ворона подняли с постели	129

Бондаренко Владимир Никифорович
Бондаренко Вениамин Никифорович

СКАЗКИ ГОРЕЛОВСКОЙ РОЩИ

Повесть-сказка

Для детей младшего школьного возраста

Редактор Н. В. Сорокин
Художник В. А. Панидов
Художественный редактор
Е. В. Альбокринов
Технический редактор З. К. Яшина
Корректор Э. И. Щербакова

Сдано в набор 19/X 1976 г. Подписано к печати 14/I 1977 г.
Формат 70х108^{1/32}. Бум. № 2 тип. Печ. л. 4,25. Усл. печ. л. 5,95.
Уч.-изд. л. 5,93. Цена 20 коп. Тираж 100 000 экз. Зак. № 5904.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев, Спортивная,
5/27.

Тип. изд-ва «Волжская коммуна», г. Куйбышев, пр. Карла
Маркса, 201.